Моше Зильберштейн

Еврейское национальное возрождение в Баку

Moshe Zilbershtein

Jewish renaissance in Baku

Israel. Jerusalem 2023

Содержание:

Глава	Стр.
• Еврейское национальное возрождение в СССР и Баку.	3
• Еврейские активисты в Баку.	9
• Лев (Арье) Ильич Фукс .	11
• Семен (Шимон) Эммануилович Вайнер.	13
• Раши Илизирович Мизрахиев (Мизрахи).	15
• Бакинская еврейская группа конца 1970-х.	18
• 1980-й год и курс иврита в Баку.	23
• Баку в проекте "Города".	28
• КГБ и конспирация с конца 1970-х по 1980-е.	35
• Роль еврейских и израильских организаций в борьбе за выезд советских евреев.	43
• Иностранцы в Баку.	49
• Отчеты эмиссаров.	49 - 55
• Бакинская еврейская группа в 1985 г.	57
• Моше (Михаил) Петрович Дворкин.	59
• Сухолуцкий Евгений (Меир) Биньяминович.	61
• Весна 1986 г. "Долгожданная" активность КГБ.	64
• Возвращение к прежней деятельности: 1987 г.	69
• Московская международная книжная выставка-ярмарка 1987 г.	73
• Легальный ульпан иврита в 1987 г.	78
• Реакция властей на курсы иврита.	91
• Баку в 1988 г.	94
• Еврейский клуб "Алеф" 1988-1990, Евгений (Меир) Сухолуцкий.	100
• Независимый Азербайджан.	118
• События в жизни еврейской общины с 1988 г.	119
• Заключение.	121
• Источники.	122

Еврейское национальное возрождение в СССР и Баку.

В этой главе я попытаюсь проследить жизнь еврейской общины Баку в 1970-80-е годы, но для этого обязательно придется, хотя бы вкратце, упомянуть различные события, имевшие место в СССР. Баку был частью советской империи и, разумеется, был вовлечен во все, что происходило в стране.

Несмотря на то, что немалая доля факторов, кардинально повлиявших на жизнь всего населения страны, достойна пристального изучения, она останется вне этой работы. Нельзя объять необъятное. Я лишь вкратце отмечу те факторы, которые повлияли на евреев СССР, чтобы было понятней то, что происходило в Баку, среди еврейского населения.

1. Холокост 1939 – 1945 гг.
2. Создание государства Израиль 1948 г.
3. Антисемитская кампания и разгром Еврейского антифашистского комитета – 1948 г.
4. Антисемитская кампания 1952 г., дело врачей.
5. Смерть Сталина и хрущевская оттепель[1] 1953 – 1963 гг.
6. Шестидневная война и государственный антисемитизм под личиной неприятия сионизма 1967 г.
7. Разрешение на выезд в Израиль и последующий запрет на выезд, появление "отказников" – с начала 1970-х.
8. Полное отсутствие еврейской культурной жизни.

Такими представляются мне основные факторы, повлиявшие на евреев СССР и Азербайджана. Я оставлю за читателем право совершенно не согласиться с этими пунктами.

[1] Оттепель (инспирировано романом И. Г. Эренбурга) неофициальное обозначение периода в истории СССР после смерти И. В. Сталина. Характеризовался во внутриполитической жизни СССР осуждением культа личности Сталина и репрессий, освобождением политических заключённых, ликвидацией ГУЛАГа, сменой тоталитаризма более мягкой диктатурой, ослаблением цензуры, повышением уровня свободы слова, относительной либерализацией политической и общественной жизни, открытостью западному миру, большей свободой творческой деятельности.

Если мы взглянем на жизнь евреев, рожденных после войны и далее, в 1950-60-70 е годы, то нетрудно отметить совершенное отсутствие любых еврейских культурных институтов в их жизни.

Не существовало еврейских школ, не было еврейских музеев, никаких еврейских театров или театральных групп. Не было никаких книг по истории евреев, словно ни истории, ни самих евреев не существовало. Ситуация с еврейским языком (идиш) была плачевной. Не было никакой возможности хоть где-то учить еврейский язык. Поколение наших родителей, рожденных до войны, отчасти понимали идиш. Какие-то детские воспоминания, когда их родители переходили на еврейский, чтобы дети не поняли содержание беседы. Отсюда частичное понимание идиша. Поколение же послевоенное уже никак не владело идиш, за исключением пары тройки фраз.

Конечно, ситуация эта не была столь однородной, в некоторых республиках СССР, таких как Белоруссия, Украина, Молдавия, Прибалтика, словом, в местах, где проживало немалое еврейское население, молодежь владела языком идиш достаточно бегло. Разумеется, это не правило, на него было много исключений, но все же мне самому, рожденному в начале 60-х, довелось встречать ровесников евреев, которые свободно владели идишем. Но они были не бакинцами.

Незнание еврейского языка было характерно для бакинских евреев ашкеназов. Совсем не такой была языковая ситуация в среде горских евреев. Они почти 100% владели татским и общались на нем между собой. Грузинские евреи в Грузии не имели никаких трудностей, поскольку изначально не существовало грузино-еврейского языка[2], а евреи разговаривали на грузинском, пусть даже и с вплетением тут и там ивритских слов.

Безусловно, где-то далеко, за тысячи километров, существовала Еврейская автономная область, где, якобы, идиш преподавался в еврейских школах, на нем издавали газету "Биробиджанер штерн[3]",

[2] Считается, впрочем, что есть еврейско-грузинский жаргон "киврули", но часто его числят диалектом грузинского.

[3] Биробиджанер штерн (Биробиджанская звезда) — периодическое издание, выходящее на идиш и русском языке в Биробиджане Еврейской АО. Издаётся с октября 1930 года.

издавались какие-то книги на этом языке. Лично я, в юношеском запале, написал, году в 1978-79, письмо, уже не помню в какой орган в Биробиджане. В письме я просил учебники языка идиш, по которым, в моем понимании, преподавали идиш в биробиджанских еврейских школах. Ответа не пришло никакого.

В самом Баку проживало чуть не вдвое больше ашкеназов, чем в Биробиджане. Наличие хоть каких-то еврейских курсов было бы вполне логичным и могло бы заполнить пустоту. Но никаких таких курсов не было ни в Баку, ни даже в других республиках, где евреев проживало совсем немало.

С каких-то годов стал издаваться журнал на идиш "Советиш hеймланд", он поступал в продажу в киоски "Союзпечати" и был доступен в Баку. Проблема состояла в том, что мало кто умел читать на идиш. Даже многие из поколения наших родителей, умеющие худо-бедно ли поддерживать или понимать беседу на идиш, не знали еврейской грамоты.

Что до языка иврит, то если мы отбросим в сторону 20-е годы и борьбу Евсекции с сионизмом и ивритом, в поздние довоенные, и послевоенные годы, то иврит не был запрещен. С сионизмом покончили в конце 20-х, потом ушла в небытие и Евсекция. В 1963 г. в СССР вышел Иврит-Русский словарь. Иврит изучался в нескольких ВУЗах СССР. Таким образом официального запрета на язык иврит не существовало. Но борьба с ним велась.

История евреев: доступных книг, посвященных этому полностью, или хотя бы частично, не существовало. Правда я помню, что обнаружил дома советский школьный учебник начала 50-х годов по истории древнего мира. К великому удивлению там оказалась глава об истории древнего Израильского царства. В учебниках истории 60-70-х этого уже не было.

Современное государство Израиль было в СССР почти полным табу. То есть на Израиль всегда выливался ушат грязи в советской прессе. Статьи пестрели штампами "агрессия, расизм, империализм, военщина". С периодичностью в 6-7 лет в СССР издавалась очередная разоблачительная книжка вроде "Осторожно: сионизм", "Фашизм под голубой звездой",

"Сионизм: теория и практика" и пр. Особо интересно отметить книги антирелигиозной направленности, такие как "Что такое Талмуд" или "Иудаизм". Во всех этих книгах прослеживалась определенная тенденция, если в 60-70-е годы упор делался на антикоммунизм и расизм, то ближе к концу 70-х и началу 80-х стали явно прослеживаться теории "Протоколов сионских мудрецов", еврейское влияние, власть над мировой экономикой, вообще мировое господство. Обязательно муссировалась тема сотрудничества сионистов с нацистами и о содействии сионистов в деле уничтожения евреев нацистами.

Парадоксальным образом, при отсутствии других источников информации, именно этот мусор стал для тысяч евреев первым учебным пособием, источником информации о государстве Израиль, об иудаизме. Как нельзя кстати оказалось приобретенное умение "читать между строк".

Для многих, пособием по истории евреев стали книги немецкого писателя Л. Фейхтвангера "Иудейская война", "Испанская баллада"[4], "Еврей Зюсс". Библейские истории (Ветхий и Новый заветы) изучались по книге польского писателя Зенона Косидовского, а то даже и по совершенно непотребным "Забавная Библия" и "Забавное Евангелие" Лео Таксиля. Самые счастливчики умудрялись найти дореволюционные "Еврейскую энциклопедию" и книги по истории евреев, например, Семена Дубнова. Но все это требовало минимального желания и стремления искать информацию.

Такая ситуация не могла не породить комплекса неполноценности у молодых евреев. Само слово "еврей" представлялось каким-то оскорбительным, табуированным. Неслучайно и в советской прессе слово "еврей" никогда не употреблялось в прямом значении, только "советские граждане еврейской национальности".

В Баку, при почти полном отсутствии антисемитизма, евреи чувствовали себя лучше. В других республиках, России, Украине, Белоруссии дело обстояло хуже, там антисемитизм сверху дополнялся антисемитизмом снизу.

---

[4] Оригинальное название на немецком "Еврейка из Толедо".

Еврейское национальное возрождение в СССР произошло в силу перечисленных факторов. Сам термин "Национальное возрождение" не является общепринятым определением. Так я условно называю процесс, который опишу в этой работе, коснувшись мимоходом всего СССР, с упором на Баку.

В рамках работы я столкнулся с трудностями в поисках источников и документов. Самые интересные документы находятся в центральных архивах КГБ и архивах этой организации в бывших советских республиках. По непонятным причинам, КГБ (и все его преемники в республиках) совсем не торопятся раскрыть данные по "еврейскому вопросу" в СССР.

Я воспользовался документами и фотографиями, которые сохранились у евреев-бакинцев, ныне рассеянных по всему миру, изучил доступные мне воспоминания еврейских активистов из других городов, воспоминаниями моих друзей, которые любезно согласились поделиться ими.

Почти наверняка часть еврейских активистов города Баку не будут упомянуты здесь. Это случится только за неимением информации о них.

Можно утверждать, что со времен "Оттепели" еврейские активисты СССР разделились на две группы: "диссиденты" и "националисты". Эти термины, применительно к евреям очень условные и должны отразить лишь характер движений. "Диссиденты", так назовем первую группу, боролись за демократические преобразования в СССР. Группа эта включала в себя граждан различных национальностей, евреи были частью этого движения. Процентные данные участия евреев в "правозащитном" движении я не имею, да и не интересуюсь этим совершенно.

К этой группе можно смело причислить Илью Янкелевича Габая, бакинца, проживавшего в период своей правозащитной деятельности в Москве. Илья Габай активно выступал в защиту крымских татар, принимал участие в издании самиздатовских информационных документов, был арестован и приговорен к 3 годам лишения свободы. В 1973 г. Илья Габай выбросился с балкона своей квартиры в Москве. В интернете имеется немало информации об Илье Габае. Я привел его историю как пример еврея-диссидента.

Теперь о группе, которая названа мной "националисты". Наверно это название не совсем верно, но оно должно отразить мотивы, которыми руководствовались участники группы. Эта группа, также изначально, не была однородной. Часть евреев желала просто уехать из СССР, менять что-либо в этой стране они никак не собирались. По сути, эти люди были "внутренними эмигрантами", считали свою жизнь в СССР, свое советское гражданство досадным недоразумением. Их отъезд из СССР тоже был фоном, но в этой работе они не будут упоминаться. Более правильное определение националистов – "сионисты". Разумеется, никто из них не был членом какой-либо, существующей вне СССР, сионистской партии.

Другая часть "националистов" не ставила во главу своих приоритетов отъезд из СССР. Она (часть) полагала, что эмиграция, это личное дело каждого, что у каждого может быть свой "якорь" не позволяющие ему эмигрировать. Тем не менее, эта подгруппа считала, что евреи должны обладать культурной автономией в СССР, иметь возможность учить еврейские языки (идиш или иврит, по выбору желающего, а не по указке коммунистов), создавать по желанию еврейские театральные группы, иметь свои печатные издания, возможность изучать еврейскую историю. Условно назову их "культурниками".

Можно выделить еще и третью подгруппу – религиозные евреи. Эти стремились жить религиозной жизнью, посещать синагоги, учиться и обучать Торе и Талмуду своих детей, иметь возможность соблюдать кашрут, шабат и все, что предписано еврейской религией.

Таковы основные подгруппы "националистов". В действительности все три перечисленные группы имели размытые границы и действовали совместно, оставив "идеологические" споры в стороне. Это было предопределено тем, что после массового отъезда евреев в Израиль в конце 60-х начале 70-х годов советская власть пресекла выезд и породила новую категорию евреев – "отказников". Отказниками стали те, кто подал документы на выезд в Израиль, но по разным причинам получили "отказ" от властей. Выезд в Израиль в СССР был сопряжен с бюрократической волокитой, предоставлением справок с работы и еще из ряда учреждений. Кандидаты на отъезд зачастую проходили, своего рода "гражданскую казнь". На местах работы устраивались публичные собрания с осуждением

и шельмованием "отъезжантов", обвинениями в предательстве родины. Для получения справок в ОВИР приходилось пройти через такое унижение. Когда власти СССР прекратили отпускать евреев, многие из подавших документы на выезд "застряли между небом и землей". Их не отпустили в Израиль, но они уже были врагами народа в стране, в которой продолжали жить. С таким "волчьим билетом" они не могли устроиться на престижную работу, продолжать работать на прежних рабочих местах. Надо заметить, что большей частью евреи имели высшее образование и в таком случае альтернативой работой могла стать только неквалифицированная работа.

Застряв поневоле в СССР, отказники стали усиленно изучать и преподавать иврит, углубляться в религию, издавать различные самиздатовские "бюллетени", контактировать с израильскими и американскими еврейскими организациями. И тут, такая деятельность совпала с деятельностью "культурников". Что же до погружения в религию, как свидетель и участник перечисленных процессов, могу засвидетельствовать, что подавляющее большинство тех евреев, которые начали как "сионисты", через несколько лет отказа стали "религиозными".

В свете сказанного характер еврейского движения в СССР становится ясней.

Еврейские активисты в Баку.

Перед тем, как я разверну повествование о еврейских активистах в Баку и о возрождении какой-то еврейской жизни, постараюсь дать то определение, которое я вкладываю в понятие "Еврейский активист". Немалое число евреев города видели в своем еврействе просто факт. Они не стеснялись быть евреями, но при этом не проявляли заметной активности для углубления знаний о евреях, не пытались учить любой из еврейских языков, не прилагали усилия к изучению истории еврейского народа. В этом нет ничего постыдного, учитывая страну, время и условия, в которых выросли молодые люди и их родители. В этой работе же будут

упомянуты те, кто пытался хоть как-то приобщиться к еврейской культуре и истории. Это и есть "активисты".

Я не знаком с еврейскими активистами Баку, действовавшими до начала 70-х годов. Вполне возможно, что никакой заметной активной деятельности не было. Да и никакая деятельность не была возможной. В распоряжении молодого еврея, желающего приобщиться к азам еврейской культуры, истории и языка было несколько стандартных возможностей:

1. Попытаться связаться с кем-нибудь "знающим" в синагоге. Задним числом понятно, что в синагоге остались лишь старики, которые умели читать и писать на иврите, говорили на идиш, но они не умели преподавать язык. При этом, сама синагога была привлекательна тем, что часть "ищущих" приходили именно туда и там можно было познакомиться с другими молодыми людьми.
2. Различные учебные пособия, неизвестно каким образом попавшие в Баку и служившие учебником. К таким пособиям относятся самоучитель "Мори" Л. И. Риклиса, изданный в Израиле в 60-е годы. Высоко ценился "Иврит русский словарь" Феликса Львовича Шапиро. Словарь этот вышел в свет в Москве, в 1963 г. и содержал сжатый грамматический очерк языка иврит, составленный востоковедом Бенционом Меировичем Гранде. Желающие изучать идиш воспользовались уроками языка, с некоторой периодичностью появляющимися в журнале "Советиш hеймланд". Автором уроков был Семен Сандлер.
3. Поиски учебников и книг по истории евреев в библиотеках Баку. Сюда же можно отнести и поиски владельцев дореволюционных книг, благо и такие имелись.
4. Письма от уехавших в Израиль родственников с описанием их вживания страну, различные открытки и буклеты. Все это тщательно хранилось в еврейских семьях, передавалось для прочтения другим и несло в себе мощный пропагандистский заряд.
5. Слушание радиоголосов "Голос Израиля, Америки, Би-Би-Си, Немецкая волна". Сам я прекрасно помню своего отца,

настраивающего радиоприемник на "Голос Израиля" в ранние 70-е. На каком-то этапе, позывные радиостанции "нащупывались" глушилками и с началом передачи шум глушилок нарастал, слушание делалось невозможным. То же самое происходило и с передачами "Голоса Америки", "Би-Би-Си" и других радиоголосов на русском языке.

Таков перечень возможностей, бывших в распоряжении бакинского еврея. Разные люди перепробовали их частично или полностью. Наверно нужно заметить, что все перечисленное предполагало первичный индивидуальный импульс, каждый "заряжался и заражался" сам. И потому проследим за путем, который прошли несколько активистов. Я выделяю их потому, что каждый из них выучил иврит самостоятельно[5]. Совершенно неудивительным образом все они через несколько лет пересеклись и познакомились, став частью одной еврейской группы.

Лев (Арье) Ильич Фукс: родился в Баку в 1955 г. Его семья родом из Кременчуга, Полтавской области. Арье учился в 1-ой школе г. Баку, затем в Азербайджанском институте нефти и химии (АЗИ). Еврейские традиции и праздники соблюдались в семье, практически полностью. С самого детства Арье знал о еврейских праздниках и о значении каждого из них. Ребенком, посещал синагогу с бабушкой. В 1967 г. дедушка и отец Арье сидели у радиоприемника и нервно слушали "Голос Израиля". С антисемитизмом Арье никогда не сталкивался, окружение его было в значительной степени еврейским, Арье проживал по ул. Первомайской, 172, в районе, который в Баку назывался "Джуһуд мяһялляси", иначе говоря - "Еврейский квартал".

Желание выучить еврейский язык стало причиной того, что Арье, с мамой Дорой подписались на журнал "Советиш һеймланд". По нему они пытались выучить идиш. При этом желание учить иврит не исчезло. Когда Арье было около 20-ти лет (~1975), ему подарили "Иврит-Русский словарь" Ф. Л. Шапиро. В отсутствие учителя и по словарю Ф. Л. Шапиро Арье научился читать и писать, но минимальный грамматический очерк иврита, составленный и представленный в словаре востоковедом Б. М. Гранде, не мог быть учебным пособием. Помог случай, где-то в 1976 – 1977 гг. друг Арье, по имени Владимир Кемах, дал ему на некоторое время русско-

[5] Вся информация приведена в соответствии с повествованием упомянутых участников событий.

ивритский разговорник "Сихон"[6]. Арье вместе с Георгием Кацем перефотографировали и распечатали разговорник в нескольких экземплярах.

Поскольку мы живем в эпоху интернета, нужно сделать небольшое отступление и пояснить возможным читателям молодого поколения, что никакой возможности копировать книги, фотографии и иные документы не существовало. Копировальные машины были зарегистрированы и принадлежали лишь учреждениям. По слухам, [на мой взгляд вполне обоснованным], пробные копии с каждого ксерокса хранились в КГБ. То же самое утверждалось и насчет печатных машинок. Ясно, что в случае с разговорником "Сихон", с его ивритскими шрифтами, никакая печатная машинка не помогла бы.

Разговорник помог Арье разобраться с грамматикой языка, построением предложений и существенно пополнил словарный запас. Но при всем этом разговорник тоже не мог заменить собой учебник иврита. Вероятней всего, среди различных друзей и знакомых Арье пошел слух о том, что он учит иврит. Ничем другим не объяснить, что в один из дней, в 1977 г., к нему в дверь постучался человек лет 50-ти и предложил заниматься ивритом совместно. Фамилия этого человека Сегал, на момент рассказа этой истории имени его Арье не помнил. Сегал оказался обладателем учебника "Мори"[7], и вместе с Арье они стали совместно учить иврит по этому учебнику. К сожалению, это совместное обучение не переросло в хорошее знакомство. После 3-4 х занятий Арье уехал в какую-то туристическую поездку. По приезде он обнаружил, что Сегал не пришел в условленный день и час. То же самое повторилось и на следующий раз, и еще раз. Арье навел справки и оказалось, что Сегал скоропостижно скончался.

Арье продолжил учить иврит в одиночку, овладел им очень неплохо, стал хорошо разбираться в ивритских текстах. Но в 1977-78-х годах из разговаривающих на иврите был может только Шимон Вайнер.

---

[6] Сихон (**שיחון**) русско-ивритский разговорник, составлен Ехезкелем Кереном. Изд. Ш. Зак. Иерусалим.
[7] Мори (Мой учитель - **מורי**) – самоучитель иврита для русскоязычных. Изд. Hatzvi, Тель Авив.

У Арье появились ученики, европейские и горские евреи. Часть учеников учили иврит перед отъездом в Израиль, другие просто чтобы знать его.

В дополнение к сказанному хочу отметить, что Арье был обладателем великолепной еврейской библиотеки. В ней были все тома "Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона", "Истории Инквизиции", "Истории евреев" – Генриха Греца, кажется, "История евреев" – Шимона (Семена) Дубнова, часть книг я уже не помню. Все книги своей библиотеки Арье, с царской щедростью, предоставлял в распоряжение своих друзей.

Семен (Шимон) Эммануилович Вайнер: родился в Баку в 1955 г. Оба его деда приехали в Баку из Белоруссии и Брянска, еще до первой мировой войны, или сразу после нее. Отец Шимона, Эммануил, воевал в годы 2-й мировой в качестве врача. Шимон закончил 111 среднюю школу (4-й микрорайон) и поступил на медицинский факультет Ставропольского института. Через 2 года перевелся в медицинский институт в Баку и

закончил обучение в 1979 г. Успел поработать один год врачом в больнице бакинского поселка Кирова. После получения отказа на выезд в Израиль был "попрошен" из больницы. Отказ был мотивирован "нецелесообразностью в выезде". Нашел работу в столярной мастерской.

По словам Шимона, еврейские религиозные традиции в семье практически не соблюдались, но всегда делался упор на еврейство как национальность. В Песах покупалась маца, устраивался импровизированный Седер, но хлеб из дома не убирался. Это, и еще обрезание, были единственными традициями. С проявлением антисемитизма в Баку Шимон не сталкивался, и запомнил только один единственный случай в институте, когда сокурсник допустил оскорбительное антиеврейское высказывание. Дело закончилось дракой. Когда Шимону исполнилось 13 лет, отец объяснил, что отныне он Бар Мицва.

Отношение к СССР и коммунизму в семье было отрицательным. Не в последнюю очередь это было вызвано арестом деда, отца матери, в 1938 г. Деда допрашивали с пристрастием, пытали, но чудом он вышел на свободу, правда инвалидом. Сразу после войны дед скончался.

Подростковый интерес к Израилю Шимон попытался удовлетворить чтением советской прессы. Немедленно бросилось в глаза поливание грязью, недосказанность и необъективность. 14-ти летний подросток не почерпнул никакой информации, а главное, никак не смог понять истоков этой ненависти. Даже та информация, которая по прошествии многих лет жизни в Израиле оказалась правдивой, в те годы воспринималась как ложь.

Лет в 16 Шимон проявил интерес к еврейским буквам. Для ознакомления с ними он нашел оригинальный способ, стал ходить на еврейское кладбище Баку. Там он выбирал памятники с надписями на 2-х языках и сравнивал фамилию и имя на русском языке и в еврейском написании. Вскоре подвернулась БСЭ[8] и оттуда Шимон переписал себе еврейский алфавит. Оказалось, что все буквы ему уже знакомы. К 17-ти годам к Шимону попал учебник иврита "Мори". Шимон выучил его

[8] Большая Советская Энциклопедия.

наизусть и это дало ему серьезную грамматическую базу и словарный запас. Значительный прогресс в понимании разговорного иврита был достигнут благодаря слушанию радиопередач "Голоса Израиля" на иврите. В Баку, при его относительной географической близости к Израилю передачи "Голоса Израиля" на иврите легко ловились на коротких волнах и никогда не глушились, благо и понимающих иврит было раз два и обчелся, и ради них не стоило запускать оборудование. В свои 22 года (1977 г.) Шимон познакомился с уже упомянутым Георгием (Жорой) Кацем, Владимиром Фельдбаумом[9], Леонидом Штейнманом и Арье Фуксом. Новые друзья, кроме Фукса, не слишком продвинулись в иврите, но приняли деятельное участие в размножении и распространении учебника "Мори".

Все экземпляры были распространены среди друзей из еврейской молодежи. Несколько позже Шимон познакомился с горским евреем Раши Мизрахи, свободно разговаривавшим на иврите.

В это же время Вайнер стал преподавать иврит желающим. Преподавание велось по учебнику "Мори". Среди учеников были горские и европейские евреи.

Раши Илизирович Мизрахиев (Мизрахи): родился в Баку в 1958 г. Семья Мизрахи[10] происходит родом из Кубы, Еврейской (Красной) Слободы. Как минимум, 12 поколений этой семьи были раввинами. Дед, р. Гершум, был раввином горской общины Баку и от него Раши научился читать на иврите. Однако р. Гершум не преподавал внуку язык как самостоятельную дисциплину. Раши научился читать молитвы, в произношении горских евреев, но не разговаривать на иврите. Будучи одаренным человеком, Раши сам разобрался, как смог на основе текстов молитв, в грамматике языка. Насколько памятно мне, Раши попытался получить раввинское образование при московской хоральной синагоге, при этом он заручился поддержкой Совета по делам религиозных культов Аз. ССР., но из этого ничего не вышло. Причин я не помню. Приблизительно в 1976 г. Раши был призван в Советскую Армию, служил в стройбате в г. Москва. Там, будучи в увольнительных, а может самоволках,

[9] Владимир Фельдбаум скончался в Израиле в 2023 г.

[10] О раввинской династии Мизрахи см. главу "Религиозная жизнь евреев Баку".

познакомился с московскими отказниками-сионистами. Уже имея очень хорошую языковую базу, он переучился на принятый в Израиле иврит, познакомился поосновательней с грамматикой современного языка и очень быстро стал бегло разговаривать на иврите.

Скорей всего в 1979 г. Раши познакомился с Шимоном Вайнером, у обоих появилась возможность практиковать навыки разговорной речи.

Семен Кушнер: упоминание о нем, как о еврейском активисте, я встретил в трех независимых источниках. Никто из моих знакомых "сионистов" не слышал это имя и не был знаком с ним. Но стремление к точности обязывает меня упомянуть это имя и привести источники.

Первый источник — это Марк Гинзбург[11]. В альманахе "Еврейская старина" он опубликовал воспоминания "До, после, над - ушедший век глазами бакинского еврея, или о быстротекущей жизни и вечных ценностях". В них Марк Гинзбург упоминает о своем друге Семене Кушнере и его жене Тае. Из воспоминаний не ясен год, но косвенно понятно, что речь о второй половине 70-х. Кушнер упомянут как "консультант" по вопросам отъезда из СССР. Приводится история о вызове Кушнера в КГБ, о постоянной слежке за ним. И наконец "толстый намек" со стороны КГБ уехать в Израиль. Что Кушнеры и сделали.

Второй источник – сайт Кошаровского[12]. Глава посвящена симпозиуму по еврейской культуре, состоявшемуся в 1976 г. в Москве. Еврейский активист, москвич, Вениамин Файн упоминает Кушнера: "*В марте 1976 года мы собрались в… квартире, которая служила нашим штабом, – писал Вениамин Файн, избранный председателем организационного комитета симпозиума. Помимо Престина, Эссаса и* ***Семена Кушнера (Баку****), составлявших ядро нашей группы, в обсуждении участвовали и новые люди…* ".

… Принятие в августе семьдесят пятого года Хельсинкских соглашений и содержавшаяся в них “третья корзина” о правах человека и национальных меньшинствах ускорила переход к подготовке такого симпозиума под названием “Еврейская культура в СССР: состояние и

[11] berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer2/MGinzburg1.php
[12] Цитируется по сайту kosharovsky.com Том 3, часть VII, глава 40.

перспективы". На этом симпозиуме нашей группой, в которую входили Файн, Абрамович, Кушнер, Райтбурд и я, был представлен доклад "Ближайший этап возрождения еврейской жизни в СССР". Сегодня Семен Кушнер уже не с нами, а тогда он был одним из самых творческих, изобретательных, инициативных и одновременно самых скромных подвижников возрождения еврейского самосознания и еврейской культуры. Он умер в две тысячи четвертом году. Уважение и любовь к нему останутся в нашей памяти навсегда.

… В оргкомитет симпозиума вошли многие активисты культурнического движения: Вениамин Файн (председатель), Владимир Престин, Павел Абрамович, Леонид Вольвовский (заместитель председателя), Илья Эссас, Марк Азбель, Виктор Браиловский, Владимир Лазарис, Аркадий Май, Феликс Кандель, Иосиф Бегун, Иосиф Асс, Вениамин Богомольный, Евгений Либерман (Москва), Валерий Каминский, Аркадий Цинобер, Борис Френкель, Герман Шапиро (Рига), Наум Саланский, Владимир Дрот (Вильнюс), Семен Кушнер (Баку). Активисты представляли широкий спектр взглядов на возрождение еврейской культуры в СССР. В этом спектре можно было выделить три основных направления: светско-сионистское (докладчики Файн, Престин, Абрамович, Кушнер, Ройтбурд), религиозно-сионистское (Эссас и Розенштейн) и легалистское (Членов).

Третий источник – Еврейская Электронная Энциклопедия, статья – Азербайджан. Упомянут С. М. Кушнир (вместо Кушнер). "Еврейское движение стало развиваться в Азербайджане с 1970-х гг. Лидером отказников в Баку был С. М. Кушнир (родился в 1927 г., с 1978 г. в Израиле)".

Бакинская еврейская группа конца 1970-х.

К 1978-79 годам в Баку спонтанно появилась активная еврейская молодежная группа. Она не представляла собой никакую организацию, ее участники были объединены дружбой и желанием восполнить пробелы в еврейском образовании, знании истории еврейского народа. Разумеется,

живой интерес вызывало и государство Израиль, чуть не у всех там жили родственники или знакомые, недавно уехавшие из Баку.

Шимон Вайнер, будучи в Москве, познакомился с тамошними еврейскими активистами. По рассказам Шимона Вайнера активисты произвели на него очень сильное впечатление. Он оказался на представлении Пуримшпиля, поставленного московскими активистами, стал участником праздничных застолий, приобрел интересных знакомых. Одним из таких знакомых оказался бывший бакинец Игорь (Игаль) Томович Гурвич. Игорь родился в Баку в 1938 г., после школы уехал в Москву, где поступил в МФТИ[13]. Работал в конструкторском бюро Сергея Павловича Королева, при жизни и после смерти ученого и конструктора. В начале 70-х, после подачи документов на выезд в Израиль и отказа, мотивированного доступом к государственным секретам СССР, Игорь был выброшен с "волчьим билетом". С тех пор он работал дворником, истопником при ЖЭК, грузчиком и еще на каких-то неквалифицированных работах т.к. с подачи КГБ его не брали на иные работы. С этого момента вся его деятельность была посвящена еврейскому движению и борьбе за выезд в Израиль. Квартира Игоря и его жены Ирины в Москве служила еврейским детским садом, "театром", где ставились Пуримшпили. Сам Игорь, в течении 11 лет, был бессменным Мордехаем[14], а традиционный сюжет каждый раз подстраивался под актуальные выходки советской власти. Игорь великолепно владел ивритом, преподавал его, а позже, с 1981 г. отвечал за нелегальное размножение и распространение еврейских учебников, самиздата, сионисткой литературы по всем городам СССР, о чем я поведаю подробней ниже.

Из Москвы Вайнер приехал с немалым количеством учебников, самиздатовской еврейской и израильской литературы на русском языке. Традиция московских еврейских активистов была взята за образец и в Баку. Отныне бакинская компания стала активно собираться по еврейским праздникам и отмечать их, пусть не совсем и по еврейской традиции. Кроме того, привезенная литература пошла по рукам, ее читали и

---

[13] Московский Физико-Технический Институт – один из ведущих ВУЗов СССР.

[14] Мордехай – главный персонаж, наряду со своей племянницей и приемной дочерью Эсфирью (Эстер), библейской книги Эсфирь (Эстер) повествующей об истории праздника Пурим. У ашкеназских евреев существует традиция устраивать спектакль (Пуримшпиль), в котором сохраняется канва, но дополняется вставками на злобу дня.

передавали дальше. Библиотека пополнялась после каждого визита в Москву.

Столь же активно передавались из рук в руки письма недавних друзей и родственников, которые уехали в середине 70-х в Израиль. К еврейской культуре письма не имели отношения, но дали отличную информацию об этапах укоренения репатриантов в Израиле, об их первых шагах, проблемах, опыте.

Как и в случаях со многими отказниками в других городах, Шимон Вайнер, после потери работы из-за отказа смог много времени уделять преподаванию иврита и самой еврейской деятельности. Он, и его мама, Певзнер Ольга Романовна, стали помогать другим подавшим документы и отъезжающим в Израиль.

Помощь заключалась в печатании различных документов, обращений в ОВИР, в советах на основе личного опыта с правилами отъезда. Дело в том, что Отдел Виз и Регистраций (ОВИР) не публиковал правила отъезда граждан на постоянное место жительства в Израиль. Это было тайной за семью замками. Прием граждан, если память не изменяет мне, производился два раза в неделю, в определенные часы. Это было отмечено на доске у входа. Посетитель изъявлял о своем желании соединиться с родственниками в Израиле, получал список документов, которые он должен был собрать и представить, бланки для заполнения. Среди документов требовалась и справка с работы или места учебы с указанием причины выдачи. То есть, с самого начала на работе или по месту учебы становилось известно о намерении покинуть СССР.

Положительный ответ ОВИРа не был обещан, но вся последующая цепочка проработок и разборов советской власти была обеспечена. Такой "суд общественности" был исключительно местной инициативой той или иной организации/учебного заведения. Если "отъезжант" был членом КПСС или состоял в комсомоле, то приходилось пройти унизительную процедуру "исключения из рядов", как правило на общем собрании.

1) Геннадий Бельфер 2) Михаил Хаит 3) Веньямин Завеса 4) Александр Корсунский
5) Рита Корсунская (Перцова) 6) Шеля Хаит 7) Мери Завеса 8) Римма Бельфер (Вайнер)
9) Элла (Эстер) Кац 10) Георгий Кац 11) Семен (Шимон) Вайнер 12) Виктория Вайнер (Кагнер)
13) Аннушка Бельфер 14) Владимир Фельдбаум 15) Аня Фельдбаум 16) Динора Фукс
17) Лев (Арье) Фукс

Группа еврейских активистов. Баку 1979-1980 гг.

В разных республиках СССР это происходило в соответствии с уровнем антисемитизма в республике. Сам я могу свидетельствовать о самом конце 70-х и до 1988 г. В Баку эти "проработки" были максимально гуманными в сравнении с Москвой, Ленинградом и городами Украины и Белоруссии.

Курьеза ради поделюсь личной историей, когда уже уволившись с места работы в 1988 г., я встретил сотрудницу, русскую женщину, работавшую главным бухгалтером в нашем учреждении. Она поинтересовалась чем я занимаюсь, услышала от меня что я уезжаю в Израиль и сказала: "Правильно делаешь, надо уезжать из этой жопы".

Возвращаясь к таинственным правилам ОВИРа, прошедшие процедуру получения разрешения или отказа в выезде из СССР на

постоянное место жительства делились своим опытом с теми, кто созревал для отъезда. Вот именно об этой деятельность Ш. Вайнера и его мамы О. Р. Певзнер я упомянул.

Раши Мизрахи также познакомился в Москве с еврейскими активистами, через которых в Баку попадали учебники иврита, кассеты с аудио уроками, словари иврита и просто израильская музыка.

Несколько слов я хотел бы посвятить еврейской музыке в жизни евреев СССР. Быть может музыкальные записи были единственным, что можно было привозить в СССР или получать по почте совершенно легально. Почти в каждой еврейской семье имелись пластинки и кассеты с еврейскими песнями. Часть пластинок были старыми, советскими, с песнями на идиш. Другая пластинки получались по почте непосредственно из Израиля или США. Из США были пластинки или кассеты с песнями на идиш, в основном, в исполнении сестер Берри[15]. Из Израиля же были ивритские песни в исполнении популярных израильских певцов и певиц. Пластинки и кассеты переписывались и пополняли коллекции любителей.

Дав некоторую информацию о группе еврейских активистов, истории ее возникновения, рода деятельности, упомяну и о реакции властей. Наверно каждый из участников этой группы понимал, что даже такая безобидная и легальная деятельность, как изучение иврита, чтение писем, обмен музыкой и застолья по еврейским праздникам окажется в поле зрения КГБ. Если же добавить к этому контакты с активистами в Москве, привоз в Баку различного самиздата и тамиздата, чтение и распространение книг, которые по нигде не озвученным законам числились антисоветскими или сионистскими, то опасения были вполне оправданы. Все эта деятельность в глазах КГБ подпадала под националистическую и сионистскую. Если отбросить неприязнь к КГБ, то надо признать, что именно в этом и заключалась суть деятельности еврейских активистов.

Соответствующие органы власти в Баку, однако, почти никак не реагировали на такую минорную деятельность еврейской группы в эти

[15] Сёстры Бэ́рри (англ. The Barry Sisters — Клэр (Claire) и Мерна (Merna) Бэрри) — американский джазовый дуэт, исполнявший в середине XX века песни на идише, русском и английском. В 1959 году посетили СССР с гастролями.

годы. Никто из активистов, коих насчитывалось около 20-ти человек, не пересекся с КГБ или милицией. Исключением был только Шимон Вайнер. Где-то в 1980 г. в его квартиру постучали двое в гражданском, представились милиционерами. Шимон не вспомнил, предъявили ли они документы, сама ситуация, по его словам, была весьма шоковой. Незваные визитеры сказали, что "поступил сигнал о возможных противоправных действиях", упомянули "занятия" и "литературу" и поэтому требуется провести осмотр квартиры. По сути обыск. Шимон совершенно точно помнил, что никакого ордера на обыск не было. "Литература" у Шимона в квартире имелась, но будучи осторожным и предусмотрительным, большую часть книг он держал на квартире у отца, а минимально необходимое количество пряталось в тумбочке, старой и имеющей большое количество ящиков. В этой тумбочке была двойная стена. Сама тумба была сделана много лет назад, по заказу отца Шимона Вайнера. Визитеры, по свидетельству Ш. Вайнера, произвели вялый обыск, тумбочку не простучали. Осмотрели книжный шкаф, где совершенно открыто хранился учебник "Мори". Пролистали его, спросили о книге. Вайнер ответил, что собирается уезжать в Израиль и потому учит иврит. Комитетчики, а с почти 100% долей вероятности это были именно они, книгу не забрали. Бросили несколько шпилек, но не оскорбительных, после чего ушли. По словам Вайнера эта история изрядно напугала и насторожила его. С тех пор он стал еще тщательней прятать книги. Вывод же напрашивался сам собой, деятельность группы не осталась незамеченной и предостережение было получено.

1980-й год и курс иврита в Баку.

В 1980 г., с 19 июля по 3 августа, в Москве прошли летние олимпийские игры. В преддверии XXII Московской Олимпиады власти постарались очистить город от неблагонадежных и нежелательных "элементов". Уже упомянутый Игорь Гурвич был приглашен в московский КГБ и ему открытым текстом "посоветовали" уехать куда-нибудь из Москвы на время Олимпийских игр. Игорь решил взять двух своих

сыновей и поехать на все лето к родителям в Баку, отдохнуть с ними на море и солнце. К нему присоединился Юлий Михайлович Кошаровский[16].

По приезду в Баку, Игорь ознакомил еврейскую компанию со своим планом - собрать летний ульпан[17] иврита и предложил принять участие в нем. Первое занятие провел Ю. Кошаровский, затем продолжил Игорь. Набралось от 7 до 10 желающих, занятия проводились по учебнику "Элеф милим"[18] и аудио курсу иврита "hабет у шма"[19]. Курс продолжался до осени 1980 г. Ученики получили некоторые познания в иврите, умение читать и писать.

Именно осенью 1980 г. в канун еврейского нового года Рош hа Шана я пришел в бакинскую ашкеназскую синагогу. Зал был полон молящимися, в основном пожилого возраста. Внимание привлек молодой человек, который также заметил меня. Мы оказались друг рядом с другом и перекинулись несколькими фразами. Молодой человек в синагоге сказал, что знает иврит и это очень расположило к нему. По выходу из зала новый знакомый, представившийся как Раши Мизрахи, предложил поехать в еврейскую компанию и встретить там Рош hа Шана по традиции. Мы поехали в 5-й микрорайон и пришли на квартиру Шимона Вайнера. Раши и Шимон заговорили на беглом иврите, поглядывая в мою сторону. В центре салона был накрыт большой стол, уставленные едой и напитками. Присутствовали молодые люди, парни и девушки. Я подошел к книжному шкафу, обнаружил учебник "Мори" и стал листать его. После нескольких же первых страниц я понял то, чего не мог уловить до того в языке иврит.

Здесь я сделаю небольшое отступление и поведаю, что лет в 15 я воспылал страстью к изучению еврейского языка. Доступным языком оказался идиш, благо не нужно было искать учителей. Я просто взял тетрадь и записал со слов своей бабушки, Фейги Хаскелевны Гутман, порядка 500 слов. Кроме того, я записал с ее же слов спряжения глаголов.

---

[16] Кошаровский Юлий Михайлович (1941 – 2014) – советский диссидент и отказник. В 1970-80-х годах организовывал группы по изучению иврита в СССР. К концу 80-х в 45 городах СССР были созданы центры и работали группы по изучению иврита. Погиб в результате несчастного случая в Израиле.

[17] Ульпан (ивр. **אולפן**) досл. учение, курс, студия. Так в СССР называли подпольные курсы обучения ивриту.

[18] Элеф милим (1000 слов – **אלף מלים**). Учебник иврита на иврите. Авторы И. Бен Шефер и А. Розен. Изд Ахиасаф Лтд. Иерусалим.

[19] hабет у шма (Смотри и слушай – **הבט ושמע**). Курс иврита с аудио-кассетами и текстом.

Все записи были сделаны русскими буквами, поскольку идиш был родным языком бабушки, но читать и писать на нем она не умела. Старшая сестра моей бабушки, Рива, научила меня еврейскому алфавиту, и я в самый короткий срок научился читать и писать на идиш, при этом в основном почти не понимал смысла прочитанного. Оставлю в стороне то, что немедленно обнаружилось, что румынский идиш моей бабушки совсем не совпал с идишем в книгах. Изучение идиша сильно застопорилось т.к. не было преподавателей и учебника, а в отсутствие разговорной практики язык "не продвигался". Я переключился на иврит по дореволюционному молитвеннику. Алфавит я уже знал, но вот читать никак не получалось. В иврите напрочь отсутствовали гласные буквы. Я догадался, что различные подстрочные знаки, точки и черточки и есть те самые "гласные", но не понимал их значения и звучания. И потому, встреча с Раши в синагоге так обрадовала меня, а пролистывание учебника "Мори" чуть не в секунду прояснило мне как именно надо читать на иврите.

Между тем началась церемония, после чтения обязательных благословений приступили к еде, и я смог познакомиться с присутствующими. Одни из них оказался Игорь Гурвич, он в ближайшие дни возвращался в Москву после летнего курса иврита. Все присутствующие, кроме Гурвича и Владимира Эталиса были лет 22-25. Мы договорились с Раши, что он будет обучать меня ивриту.

С этого вечера я стал частью еврейской компании, познакомился с Вайнером, Георгием (Жорой) и Эллой Кац, Владимиром и Аней Фельдбаум, Львом (Арье) Фуксом, Владимиром Эталисом, и через них, еще с десятком молодых евреев.

Вскоре Раши начал обучать меня ивриту по учебнику "Элеф Милим". Через небольшой промежуток времени я познакомился с Бенционом Копейкисом, десятиклассником. Бенцион (Среди друзей: Бенц) как-то в одиночку начал учить иврит, продвинулся в нем немного. С момента знакомства он также стал учить иврит у Раши. Задним числом, и по мере погружения в глубины языка, я понял, что Раши достаточно слабо знал грамматику иврита. Однако, благодаря своей великолепной памяти и интуитивному пониманию языка, он почти никогда не ошибался. То, что

наш учитель не мог объяснить, сопровождалось двумя магическими фразами "исключение из правил" или того проще "запомни это так и все".

Раши преподавал очень строго, на манер Шолом-Алейхемовских меламедов, только что не бил розгами. Он не допускал неверно прочитанного слова, требовал перечитывать до тех пор, пока все огласовки не были произнесены правильно. Отступления от этого правила не существовало. Мы читали вслух урок, Раши объяснял его, в тетрадку записывались новые слова на иврите, слева, на той же строке перевод слова на русский. Писать ивритские слова русскими буквами было запрещено, надо было сразу и немедленно, с первого момента обучения погрузиться в язык. Другим огромным достоинством Раши и нашей общей удачей было то, что он был горский еврей и что жили мы в Азербайджане. Как горский, Раши большое внимание уделял правильному, с его точки зрения, произношению. Он заставлял произносить нас все гортанные буквы (Айн, Хет, Куф). Еще не допускалось никаких "Ти, Ди", а точней, озвончения согласной, если после нее шли гласные "Е" или "И". Ну и никакого звука "А" вместо "О". Это когда вместо "Ав**О**да" - "Работа", говорят: "Ав**А**да". Упомянутое выше везение проживания в Азербайджане было отмечено потому, что владея в той или иной, пусть даже минимальной степени, азербайджанским, мы понимали как нелепо звучат на слух подобные ляпы и перед глазами (точней ушами) был пример правильного произношения звуков в данной позиции. И еще, Раши не признавал в разговоре никаких отступлений от грамматики, ни о каких разговорных вариантах "Бе **П**етах Тиква" не могло даже быть и речи, только "Бе **Ф**етах Тиква"[20].

После нескольких месяцев занятий и приобретения нами минимальной базы Раши ввел аудио курс иврита. И тут он преподавал не так, как мне пришлось потом видеть у других преподавателей. Раши ставил кассету и начинался урок. Не знаю, было ли это педагогическим приемом Раши, и он специально не давал нам текстов, или же у него их просто не было. Мы должны были стремиться повторить вслух, вслед за диктором весь текст, без ошибки, без запинки, с той же скоростью, с какой диктор читал текст. Получалось, что мы повторяли с небольшим

[20] Примеры различия между литературным и разговорным ивритом.

отставанием. Любой сбой или запинка приводили к остановке магнитофона, перемотке кассеты назад и повторению до полного автоматизма. Раши повторял нам, что даже если мы и не понимаем какое-то слово, ничего страшного в этом нет, главное правильно услышать и повторить его. А значение потом можно посмотреть в словаре. После "пытки" мы слушали урок и записывали его содержание в своих тетрадях. Перевода Раши совсем не требовал, этим мы занимались сами. Такая система была очень полезной и заменяла собой разговорную практику, заставляла язык приноровиться и быстро произносить фразы на иврите. Кроме того, это помогло в восприятии языка на слух. Дикторы были разные, ситуации в уроках читались в соответствии с сюжетом, то есть, если по сюжету ребенок говорил с родителями, то текст ребенка читался каким-то подростком. И приходилось приноравливаться к акценту, произношению и иной раз дикции дикторов.

Таким образом мы прозанимались примерно полгода или чуть больше. Но подлинный прогресс в разговоре на иврите и в понимании его на слух наступил в силу следующих причин. Первой было фанатичное устремление Бенца к тому, что разговор между нами всегда велся на иврите. Я предлагаю представить двух людей, изучающих новый для них язык и при этом не общающихся между собой на родном языке. Это было невероятно трудно. Маленький словарный запас, неумение построить сложные предложения. И несмотря на все трудности, фанатизм и желание говорить на иврите оказалось сильней. Вторым фактором успеха стало ежедневное прослушивание на иврите передач радио "Коль Исраэль - Решет Бет", второго израильского радиоканала. День начинался с того, что включалось радио, уже настроенное на канал "Решет Бет". Столько, сколько мы находились дома, мы слушали передачи радио на иврите. Это был не адаптированный, а живой иврит, передачи велись на Израиль, а не на еврейскую диаспору. Помимо слушания, мы записывали почасовые сводки новостей на магнитофон, затем по уже отработанной с Раши системе, мы повторяли без нажатия на паузу весь текст с той же скоростью, с которой вещал израильской диктор. Результатом стало то, что мы абсолютно свободно и бегло стали разговаривать на иврите буквально за полгода, словарный запас очень расширился, мы стали в курсе всех событий в Израиле, изо дня в день, знали имена всех политиков,

дикторов, знаменитостей, певцов. Особой популярностью пользовались музыкальные передачи, песни записывались на магнитофон, затем сортировались и подписывались на кассету с соответствующим певцом. Кроме того, сам текст понравившейся песни записывался на слух, заучивался наизусть почти автоматически, в процессе разбора. Незнакомые слова переводились с помощью словаря.

Успех превзошел все ожидания, мы с Бенцем овладели ивритом на очень высоком уровне, понимали на слух любую речь, могли вести беседу на любую тему. Любимой демонстрацией своих достижений для Раши стала демонстрация нас, своих учеников, приезжим еврейским активистам из Москвы, Ленинграда и других городов. Совершенно без ложной скромности я могу сказать, что никто не мог поверить, что без проживания в Израиле, без естественной среды, можно так выучить и владеть языком за полтора года. Забегая вперед, скажу, что то же самое впечатление было и у приезжавших в СССР израильтян. Они не верили, что мы никогда не жили в Израиле и настолько свободно владели языком. Я лишь повторюсь, что все описываемое было до эпохи интернета, без свободного доступа к любой информации, передачам, сайтам для изучения языка, без текстов книг и песен.

По мере того, как мы с Бенцем овладели ивритом, у каждого из нас появились свои ученики, соответственно и у Раши были ученики кроме нас. Четыре преподавателя иврита (Раши Мизрахи, Лев Фукс, Бенцион Копейкис и автор) на Баку было очень немало.

К 1982 г. группа еврейских активистов очень консолидировалась, хотя численно изменилась не слишком и насчитывала около 20 человек. Для справки, по переписи населения 1979 г. в Баку проживало порядка 35 тыс. евреев (всех общин).

Баку в проекте "Города".

Как уже упоминалось выше, еврейская деятельность в других городах СССР не найдет отражения на страницах этой работы, за исключением той деятельности, которая имела самое непосредственное влияние на активистов Баку.

Одним таким примером было повествование о бывшем бакинце Игоре Гурвиче, о его визите в Баку в 1980 г. и об организации "летучего" летнего ульпана иврита.

Почти в это же самое время в Москве родился интересный проект "города". Информацией о нем и о деятельности в рамках проекта поделился видный еврейский активист, узник Сиона[21], Александр (Эфраим) Холмянский[22]. Из его книги "Звучание тишины", я приведу здесь цитаты об этом интересном, революционном для СССР ранних 80-х, начинании.

Эфраим Холмянский был зачинателем и душой проекта "города". Году в 1979, во время одной из встреч со своим учителем иврита Львом Улановским, родилась идея:

Ты лучше … пошли сам себя в командировку в какое-нибудь место, где нет преподавателей». Я запомнил эту идею, она показалась мне интересной. Как-то к Леве приехали ребята из Кишинева. У них там не было преподавателей, все боятся. Лева давал им какие-то самоучители. Меня удивило, что в таком городе, где есть десятки тысяч евреев, – и пустыня какая-то. Я решил, что я буду помогать этому делу. И вот вдруг Лева получает разрешение и осенью 79-го года уезжает. Часть его дел падает на меня, хотя к той части, которая связана с работой с корреспондентами, я не стремлюсь. К осени 79-го года у меня созрела мысль, что работа в городах должна стать проектом, а не спонтанной деятельностью.

---

[21] Узник Сиона: название евреев, подвергнутых уголовному наказанию в СССР за еврейскую деятельность. "Официальной" причиной становилось сфабрикованное уголовное преступление.
[22] Эфраим (Александр Григорьевич) Холмянский (род. 1950, Москва, СССР) — советский активист еврейского движения, отказник, узник Сиона

… В идеале мы хотим, чтобы во всех местах, где живут евреи, была воссоздана еврейская жизнь подобно той, которая идет сейчас в Москве или Ленинграде — культурная деятельность, еврейский самиздат, религиозная деятельность, приезды иностранцев — евреев из других стран и общин. Ну, и конечно, - иврит, иврит прежде всего. Иврит должен стать стержнем, позвоночным столбом всей этой деятельности. Через иврит проходит и дорога в Израиль, и дорога к еврейскому наследию, к самосознанию. И властям придраться не так просто: разве изучение языка — антисоветская деятельность? И каждому еврею можно это объяснить, к каждому можно с этим подойти. А что, как не иврит, может объединить лучше всего? Для объединения нужно общее дело и общая цель. Люди, изучая иврит, встречаются каждую неделю, у них появляются общие проблемы, общие цели. Образуется костяк, зародыш общины, уже можно говорить о еврейских праздниках.

Второе — не надо хвататься сразу за многое. Проанализировать сначала уже существующий опыт. Посмотреть, как сейчас осуществляются связи с городами, на каком уровне это происходит. Поговорить с разными учителями, не раскрывая им сути дела. Перенять у них связи или вовлечь их в центральную группу, или найти для них какое-то промежуточное место.

И, наконец, самое на сегодняшний день главное — состав центральной группы. Определить – кто те люди, которые возьмут на себя всю тяжесть выполнения задуманного, весь связанный с этим риск.[23]

Описываемая центральная группа была создана в 1980 г. В сферу деятельности Эфраима Холмянского попали Молдавия, южная часть Украины, включая Одессу, Кавказ и Средняя Азия.

Для воплощения в жизнь проекта, среди прочего, были нужны учебники иврита. Печатанием еврейского самиздата в Москве в 1978-79 гг.

---

[23] Эфраим Холмянский. "Звучание тишины". Иерусалим: При поддержке КЕРООР. 2007 ,מוסקבה ק"ק.

занимался Михаил Нудлер[24], который так вспоминает о еврейском самиздате:

… мы все страдали от того, что в группах начинающих не хватало учебников. Мы печатали их сами или кто-нибудь из наших учеников их печатал, они были неважного качества и доходили до групп не вовремя. С учебниками была проблема. Мне удалось найти фотографа-профессионала. Русского. Он за очень умеренную плату переснимал и тиражировал быстро и в любом количестве экземпляров. У меня были знакомые среди богемы, художников. На какой-то вечеринке я обронил приятелю: "Вот нашел бы ты мне фотографа". "Фотографа? – переспрашивает – Да сколько хочешь! " – и дал номер телефона. Мы встретились с этим парнем на улице, я стал объяснять, что к чему, а он говорит: "Давай так – меня это не интересует. Я делаю свое дело, а ты свое". Он не хотел знать, что́ он делает, ему было все равно – иврит или не иврит. Столько-то рублей – и все. После этого я стал снабжать всех учителей. Этот фотограф создал библиотеку микрофильмов, и ему нужно было только сказать, сколько чего. Место встречи было постоянным – на станции метро Маяковская. Он приходил с большой сумкой, отдавал ее мне и получал деньги. Я помню, Игорь Гурвич должен был ехать в Баку, и ему нужно было сорок экземпляров "Элеф Милим". На второй день он получил их без всяких разговоров. Парень был профессионалом, у него были оборудованы машины для сушки и прочее[25].

Затем, до марта 1981 г. самиздатом ведал Виктор Дубин[26]. Получив разрешение на отъезд в Израиль, Дубин передал хозяйство Игорю Гурвичу. Вот свидетельство Игоря Гурвича:

"*… Он [Виктор Дубин] дал мне адрес того мужика и телефон, проинструктировал – никогда не звонить из дома, говорить только кодами. У каждого учебника было свое кодовое название, скажем –*

[24] Михаил Нудлер (род. 1946). Видный еврейский активист, москвич. В настоящее время проживает в Израиле.

[25] Цитируется по сайту kosharovsky.com глава 32

[26] Виктор Дубин, Москва, еврейский активист, отказник.

"порция черешни". Вот эти порции я у него и заказывал по общественному телефону, а это были "Мори", "Элеф Милим" или "Агада". Мужик быстро и четко все делал и недорого брал. Я организовал пару адресов, по которым держал готовую продукцию. У себя дома я тоже держал немного – для оперативных возможностей. Много держать нельзя было – дом слишком на виду, жалко, если конфискуют. А большие запасы были на складах. Я раздавал.
– Как Дубин развозил? У него же не было машины.
– Да, не было. Он клал в рюкзак и развозил.
– Как ты получал заказы?
– Знакомые подходили прямо на "горке"[27]. Приезжие из других городов, кого я лично знал, тоже заказывали. Я все это запоминал, потом составлял список для исполнения и уже на основании этого списка".

Наладить контакты с Баку помог Игорь Гурвич, но это случилось чуть позже. Визит Гурвича с Кошаровским в 1980-ом году были еще вне проекта. И учителя иврита, как существующие на 1980 г., так и будущие, все пришли к изучению и преподаванию вне "городов". Однако с 1981-82 гг. Баку занял свое место в нем. Из Москвы стали поступать учебники иврита, словари, кассеты, музыка. Кроме того, в Баку стали достаточно активно наведываться активисты из других городов.

Как свидетель и участник, не могу утверждать, что все они были посланниками Холмянского. В СССР, да и в той же Москве было немало еврейских групп, и такие гости могли просто приезжать в Баку на отдых. Но все они старались встретиться с бакинскими еврейскими активистами. Контакт с такими гостями осуществлялся в 1981-82 гг. только через Раши. Обычно он звонил мне и спрашивал: "Можешь ли приехать сейчас?" В случае положительного ответа следовал адрес. Я никогда не спрашивал о цели такого моего визита т.к. с самого начала Раши крепко накрепко вбил нам в головы правила конспирации. О самой конспирации я поговорю чуть позже. А пока же я собирался и ехал по адресу, где встречал очередного заезжего еврейского активиста. Раши представлял меня своим учеником, гость начинал разговор на иврите, которым к началу 1982 г. я уже очень

[27] "Горка" – неформальное название московской хоральной синагоги по ул. Архипова.

неплохо владел. Раши очень гордился такой демонстрацией своих учительских способностей, и надо признать, они действительно входили в число его достоинств. Кроме Раши никто после отъезда Вайнера в первой половине 1981 г. не имел контактов с еврейскими активистами вне Баку. Гости всегда представлялись еврейскими именами, практически никогда по фамилиям. И пару лет спустя я не знал настоящие имена и фамилии этих активистов, задним числом знаю, что Баку посетили в 1981-82 гг. Эфраим Холмянский, Раши Абаев, Виктор Дубин.

Холмянский описывает свой визит в Баку весной 1982 г.:

Мы расстаемся с Раши Абаевым, и я перебираюсь в Баку. В Баку много евреев – ашкеназских и горских. И там, представьте себе, тоже есть человек по имени Раши. А у меня есть кое-какие зацепки среди местных ашкеназов. В Баку все евреи знают друг друга, очень сплоченная община. Как хочется развернуть здесь что-то серьезное! Встречаюсь с профессором Михаилом Фарбером и с молодой восходящей звездой ~~Леней~~ Зильберштейном[28]. ~~Леня~~ — человек с мотивацией и потенциалом. Долгий приятный след оставило у меня общение с ним[29].

Я обязан сделать несколько замечаний к цитируемому отрывку. Визит Холмянского в Баку состоялся весной 1982 г., а не после крымского ульпана, как это описывает Холмянский[30]. "Развертывание чего-то серьезного" в Баку на тот момент, вряд ли имело смысл, т.к. все уже было развернуто. Была сплоченная группа евреев, велось преподавание иврита. Сам его визит запечатлен в моей памяти и связан с некоторыми событиями, о которых я расскажу.

По обыкновению, Раши вызвонил меня и зазвал на встречу с молодым человеком по имени Эфраим. Мы пообщались, поговорили на иврите несколько часов. Эфраим, а это и был Холмянский, спросил меня: не желал бы я провести пару недель в хорошей молодежной компании, говорить с утра до ночи на иврите, прослушать лекции на разные темы? Я очень вдохновился и тогда Эфраим попросил запомнить меня наизусть все сказанное им. Что и было сделано мной:

---

[28] В своей книге Холмянский ошибочно назвал меня Леней.

[29] Эфраим Холмянский. "Звучание тишины". Иерусалим: При поддержке КЕРООР. 2007 ,מוסקבה ק"ק.

[30] Эта деталь имеет значение в связи с последующим повествованием.

"Через некоторое время тебе позвонят и скажут только одно слово "**ТАМ**" или "**ТУТ**". "ТУТ" означает, что такой летний ульпан состоится на Каспии, где-то в районе Дербента, Раши проинструктирует тебя в этом случае. Но вероятность этого мала, скорей всего такой ульпан будет проводиться в Крыму. "ТАМ" и означает Крым. В случае, если это будет Крым, никаких самолетов. Ты приобретешь билет на поезд до Симферополя. Или до Сочи. Из Сочи в Крым есть морское сообщение. Если же не через Сочи, то поезд идет до Симферополя. Из Симферополя до Ялты надо взять троллейбус. Он довезет до центральной автобусной станции. Там надо взять автобус до Симеиза и сойти в городке **Анапа**. В **Анапе** сойти на остановке "Горсовет". В назначенную дату и назавтра я буду ждать тебя там целый день. После этих двух дней по два часа, с 10 до 12 часов и с 16 до 18 часов. Затем, если ты не укладываешься в график, то в последующие дни буду ждать тебя с 10 до 12, в течении недели. Если тебе придется переночевать, то в Ялте ты легко найдешь сдающих свои квартиры. Ни при каких обстоятельствах не оставляй им свой паспорт. Если по каким-то причинам ты не смог встретиться со мной, то зайди на главное почтовое отделение и оставь там записку "До востребования". В записке укажи место встречи, при этом встреча состоится на час раньше указанного в записке времени. Для поднятия мотивации почтовой служащей оставь ей три рубля".

Видимо умопомрачительная конспирация повлияла на меня так, что притупила очень хорошее знание географии и совсем затмила тот факт, что Анапа не находится в Крыму. Эта совсем маленькая оговорка Холмянского привела к очень интересной авантюре для 18-ти летнего юноши.

Обещанный звонок прозвенел, убедившись, что говорю именно я, голос в телефоне отчетливо произнес: "ТАМ". Я собрался, наболтал родителям, будто еду в Сухуми, предупредил, что звонить буду по случаю, купил билет до Симферополя и уехал. В Баку только Раши знал о подлинной цели моего отъезда. Все было точно по инструкции Холмянского, до Ялты. В Ялте меня ожидал приятный сюрприз – Анапа не в Крыму и автобусом в направлении Симеиза туда не добраться. Воспользоваться телефоном было невозможно. Да и звонить, кроме Раши было некому. Заночевав в Ялте, я уехал наутро в Анапу. В Анапе не оказалось никого горсовета, или чего-то, что по названию подходило под инструкции Холмянского. Найдя угол на съем, я отсиживал в условленные

часы на скамеечке возле какого-то тамошнего "совета". Никто, разумеется, не пришел на встречу. Умом я понимал, что где-то произошел сбой. На второй или третий день я пошел в аэрокассы, приобрел билет на ближайший самолет в Баку. Оставшиеся несколько дней провел на море.

По возвращении в Баку я позвонил Раши и мы немедленно встретились. Раши был взволнован до невозможности. По его словам, звонил Холмянский и сообщил, что я не приехал. Раши же сказал ему, что я выехал. Звонить моим родителям Раши не стал чтобы не усилить панику. Я рассказал ему в мельчайших деталях мое приключение, Раши все время слушал, задавал вопросы, из которых я сделал вывод, он пытается прощупать меня, не был ли у меня контакт с КГБ. Я отнес это на счет его подозрительности и склонности к конспирации.

Приблизительно через месяц в Баку вернулся Холмянский и очень внимательно выслушал весь мой рассказ. Слушал он с какой-то улыбочкой, в конце концов сказал: "Я оговорился. Не Анапа, а Алупка. Но ты не переживай. Ульпан не получился. КГБ помешал нам". Насколько мне известно, больше таких предложений об участии в летнем ульпане бакинцев не поступало. На долю Эфраима Холмянского выпало нелегкое испытание, он был арестован в 1984 г. в Эстонии, именно во время проведения такого ульпана иврита. В его московскую квартиру был подброшен пистолет с патронами. Сделано это было настолько топорно, что обвинение в хранении огнестрельного оружия было снято, однако патроны остались. Эфраим был приговорен к году и шести месяцам заключения.

Подытожив участие Баку в проекте "города" скажу, что в Баку уже сложилась группа преподавателей и учеников, но последующее влияние проекта было очень весомым и выразилось в поставке учебников иврита, аудиоматериалов, словарей, информационного материала и книг на русском и иврите. Все это только усилилось многократно после посадки Холмянского и продолжалось без перерыва все следующие семь лет, пока перестройка Горбачева не разгулялась настолько, что наступили радикальные изменения, приведшие к развалу СССР.

КГБ и конспирация с конца 1970-х по 1980-е.

Все еврейские активисты понимали, что рано или поздно их деятельность попадет в поле зрения КГБ. Причем для этого совершенно не нужно было состоять в какой-либо антисоветской организации, мнимой или реальной. Решительно все слышали рассказы своих родителей и дедушек с бабушками о кровавых бесчинствах советской власти, о расстрелянных и посаженных за фантасмагорические по своей нелепости преступления. Рассказы дополнялись прочитанной литературой "оттуда" и даже советской. И потому, желая оттянуть этот неприятный момент, все старались соблюдать некоторые правила конспирации. Сами правила не писались никем и пользовались ими исходя из активности местного отдела КГБ, собственной "параноидальности" и представления о том: "Что является антисоветчиной?" Последнее было тайной за семью замками, нигде не прописывалось, какое именно действие или книга являются антисоветскими. Наверно самым емким определением будет "деятельность, направленная на подрыв советского строя", но в именно силу своей емкости и расплывчатости под это могло подпасть любое действие, даже анекдот про Брежнева.

Свой первый ушат ледяной воды я получил в 1980 г., когда спросил по телефону у Шимона Вайнера про книгу М. Даймонта[31] "Евреи, Бог и история". В ответ по телефону прозвучало: "Я не знаю такой книги", с последующей вне-телефонной лекцией о необходимости соблюдать конспирацию. Отнести такую реакцию на счет параноидальности я не мог, Вайнер был совершенно "вменяемым" типом, тем более что в 1980 г. КГБ устроил у него дома обыск. Телефонам в нашей компании никто не доверял, считалось, что "они" прослушивают разговоры всех евреев. Никакими данными на счет тотальной прослушки "всех евреев" я не обладаю, думаю, что технически это сложная операция. Дело не в самой записи разговоров, как раз это было пустяком. Мой родной брат Герман (называемый нами раби Цви) Зильберштейн работал какое-то время техником по обслуживанию АТС[32] и он рассказал, что на АТС есть закрытые

[31] Макс Исаак Даймонт (1912-1992), американский историк и писатель, уроженец Ковно, Литвы. Эмигрировал в 1929 г. в США из Финляндии. Автор книги "Евреи, Бог и история".
[32] АТС – Автоматическая Телефонная Станция.

ящики, которые обслуживаются КГБ. Другие работники не имели доступа к этим шкафам. Сложность заключается в последующей прослушке этих записей, протоколировании их. Скорей всего прослушка телефонов производилась целенаправленно, против вполне конкретных лиц. Тем не менее считалось, что не нужно давать "им" дополнительной информации. И потому телефонные разговоры само-цензурировались.

После отъезда Вайнера в Израиль[33] ко мне домой пришел Раши и отключив телефон из розетки, спросил: хочу ли я стать человеком, который заменит уехавшего Вайнера и станет ему [Раши] помощником? На 17-ти летнего меня такое высокое доверие произвело сильное впечатление, я и раньше смотрел на своего учителя Раши снизу-вверх. Постепенно Раши вбил в голову мне и Бенциону Копейкису свои правила конспирации. Мы втроем старательно соблюдали эти правила, тем более что и правил было не так много. Не болтать лишнего по телефону, не рассказывать посторонним о контактах с другими еврейскими активистами, поменьше имен в разговорах, присматриваться к окружающим людям в публичных местах. Любопытно, что при всем этом никак не возбранялось разговаривать на иврите где угодно. Впрочем, в многонациональном Баку другой язык никого не мог удивить, скорей всегда всех моих нееврейских друзей удивляло незнание евреями своего языка. Не возбранялось выискивать потенциальных учеников. Ну и разумеется, полное табу на упоминание каналов доставки учебников, словарей и т.д.

Поскольку все контакты с активистами и с иностранцами, о которых я расскажу позже, происходили исключительно через Раши, его авторитет был непререкаем и призывы к конспирации святы. Я не знаю в какой степени конспирация Холмянского повлияла на Раши. Может они просто сошлись, а может Холмянский смог убедить Раши в необходимости такой конспирации. Я уже описал инструкции Холмянского относительно приезда в летний ульпан в Крыму. И потому приведу цитату из самого Холмянского именно о том самом ульпане в Крыму 1982 г.:

Свое полупрезрительное отношение к нашей скрытности, да и к моему руководству вообще Шмулик начинает демонстрировать сразу же после приезда. Вот это полный сюрприз! С ужасом начинаю

[33] Вайнер Шимон уехал в Израиль в 1981 г.

осознавать в какое положение мы попали. В Одессе ведь все на виду. Все прослушивается и просматривается…

— Так ты что, уехал из Одессы совершенно открыто? — спрашиваю я похолодевшим голосом.

— А чего ты хотел, чтобы я прятался от собственной тени?

— И небось не скрывал, куда едешь и зачем?

— В отпуск, отдыхать человек едет, чего скрывать?

— А с кем и для чего едешь — тоже, понятно, не скрывал?

Шмулик пожал плечами.

— Да, кого ваш иврит интересует? Тоже мне, нашли опасное дело. Плевать на ваш иврит ГБ хотела! Возомнили тут о себе, герои!

— Но ведь с Мешем была четкая договоренность, что ты будешь держать язык за зубами, и что будут принятые все мыслимые меры предосторожности!

— Да у тебя, видать, мания преследования появилась с твоим ивритом.

Что же, что же делать? Я лихорадочно перебираю в уме возможные альтернативы. Отправить его обратно? Немедленно выболтает, где мы находимся, а себя изобразит несчастной жертвой. Отношения в Одессе между двумя группами, и без того не безоблачные, испортятся окончательно. Оставить здесь и сделать вид, что ничего не произошло, — тоже опасно. Как нигде, в летнем лагере нужно четкое руководство и дисциплина.

Если Шмулик уже растрепал по Одессе, где мы и чем занимаемся, наверняка дошло до ГБ. Если ГБ знает, надо немедленно закрывать лагерь. Передвинуться всем вместе на другое место? Но где ж в разгар сезона его найдешь?

Рука не поднимается закрыть лагерь и распустить всех по домам. Уже и так создал себе репутацию перестраховщика. Подождем чуть-чуть. При первых же признаках беды закроем. А этого орла оставлю пока.

Это наименьшее зло. Может, если всем лагерем возьмемся за него, сможем поставить на место?[34]

Строгая конспирация Холмянского понятна и объяснима. Каждый из приезжих знал лишь частичку некоего пазла, вся же картина была известна только Холмянскому. Любой местный провал мог поставить под удар весь проект или дать КГБ дополнительную информацию. Поэтому не казалось странным, что Раши столь рьяно придерживался конспирации и требовал этого от других. Такие его требования, однако, разделялись совсем не всеми в Баку. Кроме Бенциона и меня, все остальные члены нашей еврейской компании держали Раши за перестраховщика с манией преследования.

В 1983 – 84 гг. мне пришлось служить в СА в Тбилиси. Там я познакомился с местными еврейскими активистами. Это были веселые, прекрасные ребята, ашкеназы и грузинские евреи. Компания эта была беззаботной, но не в силу отсутствия давления со стороны КГБ, а в силу колоритного тбилисского характера. Они пришли в восторг от моих конспиративных привычек, и я обогатил компанию анекдотическим понятием "бакинская конспирация". Естественно, никакой конспирации в Тбилиси не придерживались.

Понимая неизбежность конфронтации с КГБ, я выуживал у каждого заезжего "сиониста" советы насчет того "как себя вести". Вопрос был не праздный, советы же внесли полную путаницу. Каждый исходил из своего опыта общения с "ними", не все казалось мне возможным, что-то дерзким и неисполнимым. В целом можно обозначить несколько схем поведения. Одна предлагала молчать, как Зоя Космодемьянская. Другая - отвечать минимально и выборочно, отметая неудобные вопросы. Все рекомендовали не врать, т.к. если КГБ подловит на лжи, то окажешься в невыгодном положении и станешь уязвимым для давления. Советовали не называть по своей инициативе никаких имен. Именно Холмянский внес некоторую ясность в эту путаницу. Он объяснил, что в любом КГБ есть еврейский отдел. Деятельность этого отдела регулируется не только директивами из центра, но и исходя из местной ситуации. С одной стороны, в городе обязана действовать сионистская группа. Иначе само

[34] Эфраим Холмянский. "Звучание тишины". Иерусалим: При поддержке КЕРООР. 2007 ,ק"ק מוסקבה.

существование еврейского отдела представляется бессмысленным. По словам Холмянского, служба в еврейском отделе была синекурой, были гораздо менее приятные отделы и попасть в них не хотел никто. С другой стороны, если "сионисты" слишком активны, то еврейский отдел снова проштрафился т.к. не проконтролировал ситуацию. Холмянский предложил вести себя, исходя из наличия этих двух полярных ситуаций. Как именно вести себя, я плохо понял. Работа КГБ была секретной, их отношения с Москвой не афишировались, хотя сама идея о наличии таких "отношений" показалась очень логичной. Дальше Холмянский объяснил, что очень важно при встрече с КГБ потребовать у них документы и прояснить свой статус. Если это допрос, то по советским законам допрос предваряется извещением о наличии уголовного дела, о статьях по которым открыто это дело, об обвиняемых. И наконец о том, в каком качестве присутствую здесь я. Если я свидетель, то давать показания обязан, но нужно получить максимум информации о деле, об участии в нем КГБ. Если же подозреваемым, то все много хуже, но дать информацию о деле они обязаны. При этом Эфраим предупредил, что посадка еврейских активистов всегда происходит с ведома и разрешения Москвы. Он элегантно назвал это "разрешением на отстрел".

Однако чаще всего встречи с КГБ носят характер "беседы", так они называют свои приводы. Поскольку беседа всегда неформальна и не прописана в советском уголовно-процессуальном кодексе, то на нее не распространяются специфические законы. Но в равной степени это работает и в другую сторону. Беседа предполагает разговор двух, или более участников. И беседа является общением, а не допросом. Поэтому нужно не только самому задавать вопросы, но и настаивать на своем праве задавать их, не отвечать на неудобные вопросы. Ведь это беседа. В противном случае пусть "они" беседуют друг с другом. Кроме того, Холмянский посоветовал не пренебрегать советскими законами. Надзор за деятельностью КГБ осуществляется прокурором республики. И потому нужно писать жалобы на имя прокурора, против незаконных действий КГБ. На мою скептическую улыбку Холмянский заметил, что не стоит ожидать какой-то реакции со стороны прокуратуры, но пренебрегать такими жалобами не стоит. У каждого чиновника есть и враги в других эшелонах власти, или даже в том же КГБ. И никто не может поручиться, что

для сведения с ним счетов такие жалобы могут оказаться оружием в руках его врагов. В немалой степени эти советы оказались очень дельными.

Все сценарии таких бесед многократно проигрывались с Раши, он задавал вопросы и предлагал отвечать на них. Но все эти сценарии страдали серьезным недостатком. Было ясно, что невозможно предусмотреть все вопросы или трюки со стороны КГБ, всегда мог оказаться вопрос, ставящий нас в невыгодную ситуацию. Я уже не помню, когда именно и кто дал золотой совет, верный для любой ситуации. Вопросы КГБ невозможно спрогнозировать наверняка. И потому совет был прост и гениален – надо дать такой ответ, который не становится поводом для последующего, вытекающего из ответа вопроса. Например:

- Как вас звать?

- Мой паспорт у вас в руках.

- Где вы живете?

- В паспорте прописка.

- Где вы учились?

- Наведите справки по своим каналам.

- Почему вы не отвечаете на обыкновенные вопросы?

- Я не собираюсь делать за вас вашу работу. Вы получаете за нее зарплату.

- Вы не хотите нам помочь?

- Нет. Я никак не хочу вам помогать.

На последний вопрос требовалось ответить максимально ясно и однозначно, никаких уклончивых ответов. Отсутствие четкого отрицательного ответа станет поводом для следующей беседы и даст КГБ иллюзию того, что вас можно "дожать". Холмянский сказал так: "Помни, если тебя вызывают в КГБ несколько раз подряд, значит что-то в твоем поведении было неправильным, и ты дал им повод".

Итак, к 1982 г. наша еврейская группа процветала, справлялись все еврейские праздники. У каждого знающего иврит появились свои ученики.

И КГБ никак не мешал нам, исключая только описанный обыск у Вайнера, случившийся в 1980 г.

В промежутке между осенью 1982 г. и по зиму 1984 г. я не был в Баку. Меня призвали в Советскую Армию, после полугода учебки я попал в Тбилиси. Воинская часть располагалась в районе Тбилиси, называемом Элия. Этот район располагался выше Авлабара, населенного преимущественно армянами. В самом скором времени мой друг Бенцион Копейкис передал данные обо мне приезжим еврейским активистам. Через некоторое время мне сказали, что меня искали парень и девушка, которые оставили телефон для связи. Так я познакомился с компанией тбилисских сионистов, Отаром Мхеидзе[35], Андреем Левиным[36], Юрой Драчинским[37], братьями Зазой и Бесо Шалолашвили[38], Виктором Мушегяном[39], сестрами Мананой и Лией Давиташвили[40] и другими прекрасными ребятами. Практически все свободно разговаривали на очень хорошем иврите. Каждый из этих ребят заслуживает много больше чем просто упоминание имени и фамилии, однако это не будет отражено в работе, описывающей бакинскую еврейскую общину.

Именно в процессе службы в армии я пообщался с еврейскими активистами из других городов, с Даном Шапира[41], Александром Фейгиным[42], Григорием Вассерманом[43] и многими другими гостями тбилисской сионистской компании. Некоторые из этих знакомств так и осталась шапочными, другие, наоборот, продолжились после службы в

---

[35] Шломо (Отар) Вайстух/Шапиро (Мхеидзе). Тбилисский еврейский активист, знаток иврита, религиозный. В настоящее время проживает в Израиле.

[36] Арье (Андрей) Левин. Тбилисский еврейский активист. В начале 2000-х годов был главным раввином Грузии.

[37] Тбилисский еврейский активист, знаток иврита, религиозный. В настоящее время проживает в Израиле.

[38] Заза (Ицхак) и Бесо (Бецалель) Шалолашвили. Еврейские активисты. Бесо был арестован в Тбилиси за еврейскую деятельность, освобожден под давлением и выехал в Израиль, как и его брат.

[39] Тбилисский еврейский активист. В настоящее время проживает в Израиле.

[40] Манана и Лия Давиташвили, обе выдающиеся знатоки иврита еще по Тбилиси. В конце 1980-х репатриировались в Израиль. Манана скончалась в Израиле.

[41] Дан (Дмитрий) Шапира – род в 1961 г. в Москве. Еврейский активист. Был арестован в 1985 г. С 1987 г. в Израиле. Лингвист, владеет ~ 50 языками. Профессор истории Ближнего Востока в университете Бар-Илан.

[42] Александр Фейгин - род. 1959 г. в Харькове. Еврейский активист, религиозный еще по СССР. Раввин, даян, д-р философских наук, д-р теологии, профессор. В первом браке был женат на Лие Давиташвили. С 1987 г. проживает в Израиле.

[43] Цви (Григорий) Вассерман – ленинградский еврейский активист, религиозный. Проживает в Израиле.

армии и стали, своего рода рекомендациями для знакомств с другими еврейскими активистами.

Личное знакомство оказалось очень важным по нескольким причинам. Все контакты до того осуществлялись через Раши, только с ним связывались еврейские активисты и заезжие иностранцы, о которых я расскажу дальше. Теперь же я сам был знаком с еврейскими активистами, им я оставил свой телефон для связи напрямую со мной, они же направляли уже ко мне приезжих иностранцев. Кроме того, знакомство с семьей Паланкеров из Еревана, позволило общими усилиями "создать" треугольник Баку – Тбилиси – Ереван. В силу географической близости мы обменивались или помогали по возможности друг другу книгами, учебными пособиями и ставя свои подписи под различными воззваниями и обращениями к советским властям. Но все это будет чуть позже.

Дополнительным сюрпризом во время службы в СА оказалось знакомство в 1984 г. с бакинцем Барухом Кожокиным. Барух был молодым солдатом, служил в Тбилиси. Его семья была родом из села Ильинка, Воронежской области. Жители этого села, русские крестьяне, по разным соображениям приняли традиционный иудаизм где-то в конце 18-го века и полностью соблюдали все галахические нормы иудаизма. В какой-то момент, родители Баруха приняли решение перебраться в Красную Слободу, в Азербайджане. Они верили, что там смогут жить той еврейской жизнью, которая все сильнее и сильнее подавлялась в Ильинке. Из Красной Слободы родители перебрались в Баку, из которого и призвался Барух. Было чудом видеть человека, который вырос в семье, полностью соблюдавшей еврейские традиции, кашрут, шабат. Барух умел читать и писать на иврите, хорошо разговаривать на нем. По окончании службы в СА он влился в нашу компанию и был активным ее членом.

Роль еврейских и израильских организаций в борьбе за выезд советских евреев.

Ответом на прекращение эмиграции евреев из СССР и чинимые советскими властями препятствия стала поправка Джексона-Вэника[44]. С избранием Рональда Рейгана в президенты США в 1981 г. в отношении СССР был взят на вооружение новый курс. Советский Союз был провозглашен "империей зла"[45] и был втянут в разрушительную для его экономики гонку вооружений. Кроме того, против СССР были введены различные экономические санкции, целью которых был подрыв советской экономики. Все эти меры против СССР мотивировались США как реакция на вторжение в Афганистан в 1979 г., сбитие корейского гражданского самолета "Боинг" в 1983 г. Кроме перечисленных декларированных и нет причин, препятствия эмиграции евреев из СССР вписались в эту борьбу и стали одним и пунктов в претензиях к СССР. Юлий Кошаровский так охарактеризовал это:

Чтобы закрепить за СССР облик империи зла после десятилетия детанта, Рейган активно использовал массовые нарушения в этой стране базовых прав человека.

Решимость Рейгана использовать права человека в качестве идеологического оружия против СССР означала, что деятельность еврейских организаций и Израиля в борьбе за наши права в еще большей степени соответствовала общему курсу американской администрации.

Мы внутри СССР чувствовали, что нашим сторонникам на Западе удавалось, несмотря на железный занавес и многочисленные преграды, подключить нас к наиболее чувствительным нервным центрам еврейского мира. КГБ прекрасно видел, что наступая на этот нерв, он вызывал незамедлительную и мощную реакцию.

Возможно, этими обстоятельствами можно объяснить определенную сдержанность КГБ в расправе с организованными

---

[44] Поправка 1974 года к Закону о торговле США, ограничивающая торговлю со странами, препятствующими эмиграции, а также нарушающими другие права человека.

[45] В речи, обращённой к национальной ассоциации евангелистов от 8 марта 1983 года, Рейган назвал Советский Союз «империей зла».

формами нашего движения и в политике сворачивания эмиграции. Судебные процессы над еврейскими активистами были, конечно, сфальсифицированными, как и прежде, но приговоры носили, по российским меркам, умеренный характер[46].

Для сбора точной и актуальной информации о ситуации в СССР, борьбе против еврейских активистов, отказников, преподавания иврита и изучения еврейской культуры и истории использовался следующий метод: различные туристы из западных стран и США, часто обладающий еще и израильским гражданством, приезжали в СССР и встречались с еврейскими активистами.

Визиты таких туристов координировались несколькими независимыми друг от друга центрами. При этом имела место и кооперация между такими организациями. Точное количество таких центров/организаций неизвестно, но можно выделить несколько из них безошибочно.

Натив – Лишкат-ha-Кешер - Бюро по связям "Натив" (ивр. **לִשְׁכַּת הַקֶּשֶׁר נָתִיב**) — израильское государственное учреждение, подчиняющееся Канцелярии главы правительства, созданное для связи с евреями Советского Союза и стран Восточной Европы, координации борьбы за их право на репатриацию и организации их выезда в Израиль. Решение о создании "Натива" было принято премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом в июне 1951 года. Перед её руководством были поставлены три задачи:

1. Установить и поддерживать как можно более широкие связи с евреями Восточной Европы и особенно Советского Союза.
2. Проводить оперативную деятельность, способствующую выезду евреев в Израиль.
3. Инициировать и развивать общественную и политическую деятельность для оказания международного политического давления на власти СССР, чтобы они предоставили евреям возможность выехать в Израиль.

[46] Сайт kosharovsky.com

Посланники Лишкат-ha-кешер в США, Англии, Франции и Латинской Америке координировали деятельность еврейских организаций, лоббирование на правительственном и законодательном уровнях, кампанию в средствах массовой информации. Под рукой у руководителя "Натива" был своего рода мозговой трест в виде "Центра по изучению евреев СССР и Восточной Европы". Совместно с "Нативом" работал "Общественный совет", осуществлявший постоянную связь с отказниками и подготовку материалов для печати. "Натив", со времени своего основания, вел постоянно обновляемую картотеку активистов, их нужд, картотеку всех желающих получить вызов из Израиля в СССР и Восточной Европе. Через сложную систему непосредственных контактов с помощью туристов и посланников "Натив" обеспечивал постоянный мониторинг ситуации на месте, непосредственную связь с отказниками и их поддержку внутри СССР.

Арье Кроль[47], ветеран Лишкат-ha-кешер, кибуцник и общественный деятель, выстроил гибкую и эффективную систему подготовки и отправки посланников в СССР. Эта система опиралась на еврейские молодежные движения, на израильтян с двойным гражданством, проживающих как в Израиле, так и в других странах, на евреев, проживающих в разных странах, и на многочисленных друзей Израиля среди христианских общин Швеции, Норвегии и Дании. С 1979 по 1982 г он отправил в СССР около 800 человек-туристов.

– Мы отправляли парами. Минимум две пары в неделю. Каждую пару нужно было отобрать из предложенных кандидатов, проинструктировать, снабдить всем необходимым и после поездки принять от них отчет. В основном это делал я. Когда я не мог быть одновременно в нескольких местах, это делал мой помощник.

– Где определяли маршрут?

– В Израиле, в "Нативе". Были стандартные маршруты, которые осуществлял Интурист. Мы пользовались ими или делали свой частный маршрут.

– Чем снабжали туристов?

---

[47] Арье Кроль (1923 – 2008). С 1968 по 1987 гг. возглавлял службу Лишкат-ha-Кешер – Натив.

– Это зависело от нескольких обстоятельств. Если это был человек, способный прочитать лекцию или провести серию важных встреч, его загружали меньше. Некоторые просто перевозили книги и вещи. Приходили, оставляли и уходили. Было много учебной литературы – словари, учебники, пленки, диапозитивы, были книги издательства "Библиотека-алия" по-русски, книги по заказу учителей иврита или руководителей семинаров, продукты и лекарства по заказу

– в основном, для семей узников, много джинсов на продажу.

С 1986 г. каждые полгода в СССР выезжали 60-70 израильских пар с иностранными паспортами. В их паспортах было, тем не менее, указано их место жительство в Израиле. Кроме того, мы гораздо меньше отправляли теперь туристов из США или Мексики. Мы, практически, перестали посылать американцев. Оставили немного места для членов молодежных организаций, и то скорее в воспитательных целях, нежели из практической необходимости. В Европе мы использовали местных туристов в основном для доставки материалов – прийти, оставить и уйти. Я не хотел, чтобы они выполняли какую-то другую работу. Встречи и лекции делали израильтяне[48]*.*

В Америке (США) было немало еврейских организаций, которые занимались фактически той же деятельностью и в частности, присылали туристов. Именно Кавказом целенаправленно занималась "**Кавказская сеть**" (The Caucasus Network)[49], основанная в 1984 г. Хелен Кенвин-Шварц. Она сама посетила в этом году СССР, побывала в Средней Азии и на Кавказе. Хелен, в отличии от многих других еврейских деятелей и организаций, обратила внимание на то, что в основном посещались Москва, Ленинград, Киев и европейская часть СССР. Евреи же на периферии остались вне внимания. И это в то время, как в этих районах проживали большие еврейские общины. Хелен Кенвин-Шварц была очарована горскими, грузинскими и бухарскими евреями, их приверженностью традициям. По возвращении в США и была основана "Кавказская сеть" (The Caucasus Network). Благодаря активности и

[48] Сайт kosharovsky.com

[49] Сайт sun-sentinel.com/news/fl-xpm-2010-10-19-fl-jjps-jews-1020-20101019-story.html#

преданности делу "Кавказская сеть" собрала огромную базу данных о евреях в этих регионах. Сама Хелен Кенвин-Шварц детально изучила весь район. Многие еврейские организации и еврейские туристы, желающие посетить СССР, обращались в "Кавказскую сеть" и получали информацию о людях, городах, властях50. При своей такой бурной деятельности Хелен Кенвин-Шварц и основанная ею "Кавказская сеть" старались не попадать в поле зрения советских властей и предоставляли всю информацию другим влиятельным политикам и организациям. И именно те устраивали шум и демонстрации, протесты и иные меры для оказания давления на СССР. Кроме того, мы [бакинцы] состояли в активной переписке с Хелен Кенвин-Шварц, и я обязан отметить ее совершенно бескорыстную, благородную и сердечную помощь нашей бакинской общине. Ее стараниями многие проблемы, как объективные, так и чинимые властями очень быстро разрешались, причем в нашу пользу. С началом развала СССР и этнических беспорядков в регионах "Кавказская сеть" оказала незамедлительную помощь от 300,000 до 500,000 населения регионов Кавказа и Средней Азии[51].

Кроме "Лишкат ha Кешер" и "Кавказской сети" в СССР приезжало немало посланников (шалияхов) любавического ребе Менахем-Мендла Шнеерсона, жившего в Нью Йорке, США. В большей степени их деятельность была направлена на создание хабадских ешив, детских садов, поставки религиозной литературы на иврите и русском, тфилин, мезузот, кошерной еды, мацы и т.д.

Все собранные данные стекались в еврейские или израильские центры и печатались в бюллетенях, передавались главам и министрам различных стран, служили обвинительным листом, который предъявлялся Советскому Союзу и на основе которого вводились экономические санкции против СССР. Таковой была цена, которую платил Советский Союз. Еврейские активисты тоже платили цену.

Наивно полагать, что КГБ не отследил все эти связи или не понимал сути таких визитов. Некоторые еврейские активисты были арестованы и

---

[50] Материал о деятельности "Кавказской сети" по: Helene Kenvin interview - 2010-03-03 digital.library.yu.edu/object/digital3920

[51] Цифры приводятся согласно данным Кавказской сети.

отсидели за свою деятельность, в частности и за встречи с посланниками еврейских организаций. Тем не менее, сами встречи и информация, которую передавали посланникам еврейские активисты не являлась государственной тайной и не подпадала под статью о шпионаже или измене родине. Это было столь очевидно самому КГБ, что практически всем осужденным еврейским активистам инкриминировались сфабрикованные преступления или "клевета на советский строй". Александру Холмянскому вменили в вину "хранение оружия", Юлий Эдельштейн был осужден в 1984 г. "за хранение и употребление наркотиков", одессит Яков Левин арестован по обвинению в "распространении клеветы на советский общественный и государственный строй". Список этот можно продолжать, однако мы остановимся. Это и другое и есть та цена, которую платили евреи.

Контакты с иностранцами, в свете всего перечисленного, имели несколько возможных последствий: провоцирование репрессивных мер со стороны КГБ. С другой стороны, известность на Западе и в США, демонстрации и петиции, скандалы и муссирование в прессе, бойкоты советских организаций, все это нейтрализовало репрессивные меры со стороны КГБ, заставляла КГБ дозировать репрессии и ограничивать свою активность. Это было своего рода страховкой. Тем более в республике, т.к. никакое руководство КГБ или республики не желало быть пропечатанным и освистанным на западе, и как следствие, превратить себя в возможную мишень московских властей. Второй довод перевешивал опасность репрессий, тем более что такие репрессии и так были неминуемы. Кроме того, существовала немалая вероятность того, что КГБ просто предпочтет срочно дать разрешение на выезд в Израиль и таким образом избавиться от не в меру активного еврея.

Иностранцы в Баку.

Насколько мне известно, первые иностранные эмиссары стали посещать Баку не раньше 1982 г. В дом нашей семьи такую пару привел мой учитель иврита Раши Мизрахи. Это были муж и жена, молодые и религиозные израильтяне, посетившие СССР по какому-то не израильскому паспорту. Между СССР и Израилем не было дипломатических отношений аж с 1967 г., и израильтяне посещали СССР в исключительных случаях[52]. Пара оказалась милыми ребятами, они назвались еврейскими именами без фамилий. Общение велось на иврите, иностранцы позадавали вопросы об отказе, антисемитизме, знакомстве с другими отказниками, поинтересовались не желает ли кто получить вызов из Израиля. В заключение они сфотографировали нашу семью, и мы расстались. Если мне не изменяет память, Раши еще несколько раз приводил иностранцев в 1982 г., в конце этого года я был призван в СА и два года отсутствовал в Баку. Другие данные на эти годы мои еврейские друзья не помнили.

Информация нашлась на веб-сайте ajhs.org На нем представлены отчеты туристов, и я почерпнул из них информацию о посещениях Баку. На мой взгляд информация представляет интерес, а главное, свидетельствует о деятельности еврейских организаций в пользу советских евреев.

Trip report by Ed and Dorothy Stossel.

В марте 1982 г. Эд и Дороти Штоссель посетили Москву, Ленинград, Тбилиси, Ереван и Баку. В Баку они искали встречу с Хаей Дубинской, ул. Нахичеванская 39, кв. 39.

У нас не было телефона этой семьи. Водитель такси отказался отвезти нас по этому адресу. Он сказал, что это слишком далеко, настолько, что даже находилось вне нашей карты. Водитель посоветовал нам воспользоваться метро и по прибытии на станцию назначения взять такси от нее. Мы нашли квартиру. Дверь в нее была слегка приоткрыта. Мы постучали и появилась маленькая пожилая женщина. Мы поприветствовали ее и женщин захлопнула дверь перед

[52] Как правило в составе различных делегаций просоветской компартии Израиля.

нашим носом. Все попытки уговоров окончились ничем, дверь так и осталась закрытой для нас[53].

Trip report by Marcel and Annie Adams.

Июль 1982 г. Адреса оказались неполными, улицы найдены, но номера неверны. В еврейском квартале мы встретили женщину-еврейку, проживающую напротив синагоги. Она рассказала, что в этом районе проживает много евреев[54].

Trip report by Robert and Roberta Levy.

6-го сентября 1983 г. Баку. Мы прибыли как раз к обеду. Познакомились в гостинице с еврейской женщиной, которая рассказала нам, что в Азербайджане хорошо относятся к евреям и жизнь евреев Баку нормальна. Рассказала, что она не посещает синагогу, не знает ее адреса, но угостила нас пахлавой. К ночи мы отправились на прогулку и позвонили Юлию и Лине Липсиц по тел. 66-50-40. Договорились встретиться следующим вечером. Данные Липсицев были переданы Джерри Наташей, знакомой Льва Крешивицкого.

7-го сентября 1983 г. Канун Рош ha Шана и мы предприняли попытку найти синагогу. Вызванный таксист не понял, чего мы хотим. Жестами мы попытались объясниться, и он отвез нас в мечеть, затем в православную церковь и наконец после слова "hебрейски" он привез нас в еврейский квартал. Мы тут же нашли сефардскую синагогу и в ней пожилых людей и молодежь. Иосеф бен Барух повел нас в ашкеназскую синагогу. Здания синагог не имели никакой еврейской символики снаружи. В ашкеназской синагоге мы нашли преимущественно пожилых мужчин и женщин. На балконе, где располагалось женское отделение синагоги, Бев и Бобби были спрошены двумя женщинами о наличии родственников в СССР, затем о молитвеннике, который был взят с книжной полки этой синагоги. Один из мужчин подошел к нам и попросил на идиш не давать никакой информации этим женщинам.

---

[53] Сайт search.cjh.org Box 94, Folder 6 of Series VI: USSR Trip report by Ed and Dorothy Stossel in Moscow and Leningrad, Tbilisi, Yerevan, and Baku.

[54] Сайт search.cjh.org Box 94, Folder 19 of Series VI: USSR Trip report by Marcel and Annie Adams in Moscow, Tashkent, Samarkand, Baku, Yerevan, Tbilisi and Leningrad.

Спустившись по ступенькам, мы прошли в молитвенный зал грузинских евреев. Таким образом мы узнали, что в Баку три синагоги.

В синагогальном дворе мы встретили Раши Мизрахи, чье имя было в списке у Бобби. Иосеф попросил нас встретиться этим вечером, и мы назначили встречу на 23:30.

Юлий и Лина предложили встретиться с ними прямо в нашем отеле, чем обрадовали нас. Они оказались очень представительной и красиво одетой парой. Задним числом полагаю, что визит в нашу гостиницу был не самой удачной идеей, но мы согласились на их предложение. Они поднялись на наш этаж, и коридорная привела их в комнату Джерри. Затем мы пошли гулять и в темном уголке парка передали им некоторые посылочки. Юлий рассказал нам что он геолог по специальности, но сейчас работает по-черному. Его английский достаточно хорош. На две предыдущие попытки уехать из Союза был получен "отказ". Нынешняя попытка увенчалась успехом, но они должны уехать из СССР до 28 сент. 1983 г. Они уже распродали все имущество. Друг Липсицев в Балтиморе должен созвониться с Джерри, чтобы организовать 3000 $, расходы по эмиграции в США.

В 23:00 мы отправились на встречу с Иосефом бен Барухом и двумя другими мужчинами около отеля и передали им некоторые посылки. Иосеф передал Джерри записку на русском от Раши Мизрахи и устно сказал следующее: "Каттмон, Каркегон 3, Иерусалим" [55]. Это все, что было сказано[56].

Trip report by Herbert Rosen.

Март 1985 г. Только одна семья, Фарбер. Кто именно, не знаю[57].

[55] Транскрипция по источнику. Скорей всего "Катамон" (район Иерусалима), и "Накдимон" – улица в районе Катамон.

[56] Сайт search.cjh.org Box 95, Folder 20 of Series VI: USSR Trip report by Robert and Roberta Levy in Moscow, Kiev, and Baku

[57] Сайт search.cjh.org Box 97, Folder 4 of Series VI: USSR Trip report by Herbert Rosen. Moscow, Leningrad, Tashkent, Baku.

Trip report by Judy Gilbert and Ann Baum.

Имена людей, которых нужно посетить в Баку.

Апрель 1987 г. Копейкис, Фридлянд, Мандельблат – просьба выяснить все что возможно об этих людях. В Тбилиси, Баку и Ереване попросить отказников показать вам синагоги и/или церкви. Может будет проще если они поведут вас[58].

Trip report by Nelson Lange.

Май 1987 г. Информация от ереванца Вилли Паланкера: Борис (Бенцион) Копейкис получил разрешение на отъезд в Израиль. Отказники, которых надо посетить в Баку: Владимир Эталис тел. 31-83-74, Лев Елисаветский тел. 67-45-59.

22-23 мая, 1987 г. Отказник Марк Трифель. Тел. 39-77-95. Подарок: калькулятор на солнечной батарейке. Запросы Марка Трифеля: прислать новое приглашение из Израиля. Книги/статьи по его специальности: коррозия металлов. Книги/статьи по урологии для его зятя, врача по специальности. Связаться с его родственниками в США и Канаде (имена и адреса прилагаются).

22 мая, 1987 г. Отказник Моше Зильберштейн. Тел. 31-81-54. Подарок: предметы незначительной ценности. Запросы Моше Зильберштейна: кассеты с современной израильской музыкой. Иврит-русский, русско-иврит словари. Книги об израильском искусстве, истории, религии, политике и армии – на иврите. Дополнительные данные от Моше Зильберштейна: со следующими отказниками имеет смысл контактировать через него - Владимир Эталис и Георгий Кац. Кац не имеет телефона, Эталис не разговаривает на английском или иврите. Информация от Моше Зильберштейна: Михаил Фарбер, возможно, не желает, чтобы иностранцы посещали его дома. Копейкис и Штабинский получили разрешение на эмиграцию. Дополнение к запросам Моше Зильберштейна – связаться с его корреспондентом Хелен Шварц тел. 914-384-6842. Около года назад КГБ вызвал Моше на беседу. В процессе беседы они упомянули даты его встреч с

[58] Сайт search.cjh.org Box 99, Folder 11 of Series VI: USSR Trip report by Judy Gilbert and Ann Baum in Moscow, Leningrad, Tbilisi, Baku and Yerevan.

иностранцами в прошлые годы, включая и имена самих иностранцев. Они потребовали прекратить встречи с иностранцами и прекратить преподавание иврита. Он не выполнил ни одного требования[59].

Trip report by Robert Frank in Moscow, Leningrad, and Baku.

4-19 октября, 1987 г. Имена и данные людей, которых надо посетить.

Барон Илья Львович, 1957 г. рождения. Ул. Красный Восток 105/17. Профессия: инженер компьютерщик. Говорит на английском. Подал документы в 1980 г. В базе данных с 1981 г. Первый отказ в 1981 г., мотивировка "недостаточное родство". Жена: Барон Сима Ефимовна, 1956 г. рожд., инженер компьютерщик, владеет английским. Дочь: Руфь, род. 1980 г. Мама Ильи: Барон Фаина Ионовна, род. в 1920 г., инженер. Визитеры, пожалуйста сфотографируйте всех и запишите семейную историю.

Елисаветский Лев Абрамович, род. в 1939 г. Ул. Мичурина 37а/45. Тел. 67-45-59. Профессия: певец, владеет английским, изучает иврит. Первый отказ в 1983 г. Жена: Елисаветская Светлана Петровна, род. 1938 г. Сын: Роман Львович, род. в 1965 г. Визитеры, пожалуйста сфотографируйте всех и запишите семейную историю.

Гернер Леонид Давидович, 1947 г. рождения. Ул. Шахбази 241/124/21. Профессия: математик/физик. В базе данных с 1978 г. Первый отказ в 1983 г. Жена: Гернер Ирина Михайловна, 1952 г.р. Профессия: юрист. Дети: Зильберман Элина Борисовна, 1975 г.р. Визитеры, пожалуйста сфотографируйте всех и запишите семейную историю.

Исраилов Соломон Рувинович, 1939 г.р. Ул. Тельнова 34/2 (номер квартиры может быть и 12, просьба подтвердить). Тел. 66-00-94. Профессия: врач (бухгалтер?). Первая вызов на выезд 1975 г. В базе данных с 1984 г. Первый отказ в 1984 г. Жена: Ильизарова Белла Семеновна, 1946 г.р., учительница. Дочь Ева (Хая), род. в 1971 г., дочь

[59] Сайт search.cjh.org Box 99, Folder 18 of Series VI: USSR Trip report by Nelson Lange. Moscow, Leningrad, Tbilisi, Baku, Yerevan

Фаина (Яффа), род. в 1974 г., сын Ролан, род. в 1978 г. Визитеры, пожалуйста сфотографируйте всех и запишите семейную историю[60].

Trip report by Anette Pechenik.

Апрель 1988 г. Имена людей, которых нужно посетить в Баку.

Абрамова Людмила, ул. Щорса 166/22. Разговаривает на английском и иврите.

Барон Илья: инженер компьютерщик. Ул. Красный Восток 105/17. Имеет сына (1980 г.р.) и дочь (1984 г.р.). Разговаривает на английском.

Габай Юрий кандидат наук, музыковедение. Ул. Нефтяников 93/16. Тел. 92-0?-05. Разговаривает на английском. Не внесен в базу данных[61].

Trip report by Todd Woolf.

Имена людей, которых нужно посетить в Баку, июль 1988 г.

Людмила Абрамова. Ул. Щорса 166/22.

Владимир Эталис. Микрорайон, Маслиновая роща 4, блок 4, кв. 69.

Валерий Лоджевский. Ул. Самеда Вургуна 36/33[62].

Trip report by Rabbi Bernard Mehlman.

Декабрь 1988 г. Много людей в Баку, включая евреев города, не приходят на работу или пропускают учебу в университетах. Вместо этого они стекаются на площадь Ленина и слушают там речи азербайджанских националистов. Евреи, живущие в армянских районах очень напуганы и стараются не выходить из квартир. И в Баку, и в Ереване, беспорядки осложняют эмиграцию. Чиновники ОВИРа, подчиняются МВД и потому задействованы в связи со сложившейся ситуацией. Заявления о выезде не обрабатываются, кроме того, людям платят только часть их зарплаты из-за перебоев в работе.

---

[60] Сайт search.cjh.org Box 100, Folder 18 of Series VI: USSR Trip report by Robert Frank in Moscow, Leningrad, and Baku.

[61] Сайт search.cjh.org Box 102, Folder 6 of Series VI: USSR Trip report by Anette Pechenik in Leningrad, Baku, Yerevan, and Tbilisi.

[62] Сайт search.cjh.org Box 103, Folder 7 of Series VI: USSR Trip report by Todd Woolf in Moscow, Leningrad, Yerevan, Baku, and Tbilisi.

Леонид и Эстер Вакс и их дочь (Баку) эмигрировали. Его родители и сестра живут в плохих условиях и нуждаются в финансовой помощи. Они еще не подавали документы с просьбой об эмиграции.

В прошлый шабат в ашкеназской синагоге присутствовали 10-15 пожилых людей. Присутствие иностранцев очень встревожило их и нам запретили обратиться к присутствующим. Синагога нуждается в сидурах[63] и хумашах[64]. Из широко разрекламированных 5000 сидуров, присланных в Москву из Нью Йорка, Баку выделили только 23 сидура[65].

Бакинские визитеры посетили воскресные курсы иврита в Бакинском ульпане. На уроке присутствовали 15-20 мужчин и женщин. Встреча превратилась в "День Хануки и еврейской истории". Присутствовали Михаил (Моше) Дворкин, Яков Шнеер, Борис Певзнер, Лев Фукс, Евгений (Меир) Сухолуцкий, г-жа Вакс и ее дочь. Занятия ульпана проводятся по воскресениям, в 15:00 и по вечерам в среду. Моше Дворкин преподает иврит, а Яков Шнеер – идиш. Евреи обратились к властям с просьбой вернуть большую синагогу (сейчас в ней расположен театр) чтобы устроить в ней культурный центр. Бакинский ульпан нуждается в учебных аудиокассетах иврита и чистых кассетах, в копиях учебников "Элеф Милим" (части Алеф, Бет и Гимель) и "Иврит Хая". НЕ ПУБЛИКОВАТЬ имена людей, которые присутствовали при встрече с иностранцами.

Ефим Портман (Баку) желает контактировать с иностранцами[66].

По приведенным отчетам можно получить некоторое представление о деятельности американских еврейских организаций в пользу евреев СССР вообще и Кавказа, в частности. Данная информация не полна, в действительности количество иностранных визитеров было намного больше т.к. немалая часть туристов приезжала не от американских

---

[63] Сидур (ивр. **סדור**) – Молитвенник.

[64] Хумаш (ивр. **חומש**) – Пятикнижие (5 книг Торы).

[65] Обязан отметить, что в ашкеназской синагоге на первую половину 1988 г. имелось в наличии огромное количество сидуров и хумашей дореволюционного издания. Трудно представить, что все эти книги исчезли в одночасье, тем более что беспорядки в городе никак не коснулись евреев и синагог.

[66] Сайт search.cjh.org Box 104, Folder 18 of Series VI: USSR Trip report by Rabbi Bernard Mehlman in Moscow, Baku, and Leningrad.

организаций, а от израильского "Натива – Лишкат ha Кешер". Я не смог найти доступа к базе данных "Натива".

В принципе, данные отчеты говорят сами за себя, можно только повториться и, может, дополнить детали таких встреч, по моему опыту самостоятельного общения в период 1984 – 1988 гг.

По приезду иностранцы звонили к нам домой, разговор шел на английском или иврите. В моей семье могли вести первичный разговор на этих языках. Как правило это была мама, она старательно записывала час встречи и оповещала меня. Место встречи никогда не менялось – на ступеньках почтового отделения по улице Шаумяна. Через дорогу находилась гостиница "Новый Интурист", за ней здание КГБ. Мы исходили из того, что детские игры в конспирацию абсолютно не нужны. КГБ, без всякого сомнения, еще до приезда наших гостей имел их имена и список городов, которые те планировали посетить. Телефонные звонки также фиксировались. В свете этого было глупым конспирироваться, тем более что контакт с иностранцами никак не противоречил советским законам. Встреча около гостиницы (и КГБ) был удобен иностранцам и КГБ в равной степени. Не могу знать оценили ли в КГБ нашу посильную "помощь" им в отслеживании нас же.

Как правило, я водил гостей по центру города, по Крепости, обычно посещались синагоги. Туристы сразу озвучивали фамилии тех евреев, с которыми они желали бы встретиться. Почти со всеми я контачил и приглашал их к нам домой. Затем мы ехали в нашу квартиру в 4-ом микрорайоне. В подъезде, сразу по входу я давным-давно написал большими буквами на иврите "**ברוך הבא** – Добро пожаловать".

Приглашенные, желающие прийти на встречу, находились уже у нас дома. Таким образом иностранные гости встречали одним махом максимальное количество людей. Гости расспрашивали о еврейской жизни в Баку, о преподавании и изучении иврита, интересовались отказниками, уехавшими. Всю эту информацию мы давали им, также давали данные тех людей, которые желали получить вызов из Израиля. Антисемитизма, слава Богу, в Баку не было, так что тут мы искренне были рады отметить этот факт. Записывались наши пожелания, касающиеся того "что нам нужно". Обычно уже в ближайшие визиты следующих гостей мы

получали то, что просили. Мы сами задавали очень много вопросов о жизни в Израиле, слушали различные аспекты израильской действительности.

Когда визитерами оказывались молодые девушки, мы с превеликим удовольствием "гуляли их" по городу, а при их согласии ездили и на пляж.

Визитеры вели себя по-разному, одни были напряжены и пытались определить, не следят ли за нами сотрудники КГБ. Другие были очень беззаботны и даже совершенно реальную слежку воспринимали как веселое приключение.

Бакинская еврейская группа в 1985 г.

По возвращении из советской армии в конце ноября 1984 г. я нашел всю нашу компанию в добром здравии, но это впечатление оказалось неверным. Бенцион Копейкис сообщил мне по секрету от всех, что приблизительно весной 1984 г. его вытащили в КГБ. В некий день его, студента АзиНефтехим, вызвали к ректору. В кабинете ректора Бенца поджидал человек в штатском, ректор оставил кабинет и штатский представился сотрудником КГБ. Дальше он попросил Бенца проехать с ним для беседы. Сотрудник ГБ привез Бенца в клуб Дзержинского, они вошли вовнутрь, но не с главного входа, по ул. Л-та Шмидта, а с бокового входа по ул. Шаумяна, ровно напротив здания, в котором располагался КГБ как минимум до 1990 г. "Беседа" больше походила на допрос, вопросы задавали только два сотрудника КГБ, тот который привез Бенца (русский) и присоединившийся (азербайджанец). Вопросы касались иврита, друзей и знакомых, следовали "тонкие" намеки на теоретически возможное отчисление из АЗИ, что повлекло бы за собой призыв в СА. Негативные последствия выразились в том, что подача дипломной работы и ее защита задерживались, без объяснения причин. Отцу Бенциона пришлось задействовать свои связи для того, чтобы прояснить и выправить эту ситуацию. Много лет спустя один из "тормозящих" защиту диплома признался отцу Бенциона Копейкиса, что вся тянучка была по указанию из КГБ.

Вторым неприятным сюрпризом оказалась встреча с Раши. Он был очень нервным, встревоженным. Постоянно оглядывался и выискивал слежку. Разговор не получился. Раши практически прекратил общение со всеми и углубился в деятельность при синагоге, шхиту[67] , участие в различных религиозных церемониях. С ивритом и сионизмом, по общему впечатлению, Раши покончил. Друзья наши не знали о такой активности КГБ, поскольку их она не коснулась, а Бенц или Раши не оповестили их о факте таких бесед, каждый по своим причинам. Раши стал объектом внимания со стороны КГБ и именно потому предпочел отдалиться от всех и погрузиться в религиозную деятельность. Задним числом я знаю, что именно так и случилось.

Наверно именно этот всплеск активности со стороны КГБ стал причиной того, что приблизительно в это же самое время (1984 г.) к нам в воинскую часть нагрянул особист и провел беседу со мной. Особист задал ряд вопросов, больше общих, чем конкретных. Спросил об антисемитизме в советской армии, поинтересовался пытался ли я уехать в Израиль и собираюсь ли сделать это в бушующем. Поскольку уже при призыве я указал два отказа в выезде в Израиль, вранье не имело никакого смысла. Особист видимо расценил такое признание как откровенность и в ответ на мой вопрос о цели и смысле этой беседы рассказал, что беседа проводится по просьбе бакинского КГБ на случай, если я захочу уехать в Израиль. И тогда армия должна дать информацию о том, имел ли я доступ к секретной информации. О последнем я позаботился еще до призыва и указал во всех военкоматских анкетах, что имею родственников в США и Израиле и желаю уехать из СССР.

Такой оказалась ситуация на конец 1984 г., начало 1985 г. Приблизительно весной 1985 г. я познакомился с двумя замечательными молодыми ребятами, Моше (Михаилом) Дворкиным и Меиром (Евгением) Сухолуцким. Они начали изучать иврит и влились в еврейскую компанию. Я приведу их свидетельства здесь, таким образом повествование будет менее субъективным и в нем будет меньше текста от первого лица.

[67] Ритуальный убой животных для еды.

Моше (Михаил) Петрович Дворкин, 1960 г.р.

Я плохо помню, когда именно я узнал, что я еврей. Скорее всего это произошло в восьмилетнем возрасте. Семья наша переехала из Завокзального района в Черный город. Во второй класс я пошел в новую школу. Вся жизнь детей тогда протекала во дворе. Во дворе сверстники меня приняли крайне враждебно и тут же сообщили мне, что я еврей. Откуда восьми-девяти-десятилетние дети узнали, что такое еврей, что новые соседи – евреи, и что евреи – это плохо? Очевидно, от своих родителей.

В центральных районах Баку (как я узнал позже) жило много еврейских семей. Черный город же был рабочим, пролетарским районом, с соответствующим населением и соответствующим отношением к евреям.

Помню, к примеру, как в 1969-м году проходила игра на звание чемпиона мира по шахматам между Тиграном Петросяном и Борисом Спасским. Этажом ниже нас жила армянская семья, в которой было двое детей – мой сверстник Артур и девочка Лаура, года на два младше. Так вот, как-то Лаура спросила меня, за кого я болею, за Спасского или за Петросяна. Я ответил, что за Спасского, на что Лаура немедленно отозвалась: "Значит, ты – еврей!" Было ей тогда лет семь, если не меньше… Откуда семилетняя девочка знает, что те, кто болеет за Спасского – евреи? Очевидно, от родителей. Приятных, интеллигентных соседей дяди Рантика и тети Риммы.

От других детей во дворе мне приходилось слышать куда менее приятные вещи, начиная от протяжного крика "Йииивреееей!" и до фразы, сказанной мне азербайджанским мальчиком по имени, кажется, Гусейн: "Ты хороший парень, если бы ты не был еврей, можно было бы с тобой дружить".

Следует заметить, что ничего позитивного о евреях, и ничего, несущего содержательную информацию, я тогда не знал. Узнать было неоткуда. Говорить с родителями на эти темы я стеснялся. Бабушка на песах ходила в синагогу и ела из отдельной посуды, которую после песаха убирала в шкаф. Из официальных источников о евреях нельзя

было узнать практически ничего… кроме того, что есть некие "советские граждане еврейской национальности", которых сионисты обманом выманивают в Израиль, и они там страдают и кусают локти.

Помню вроде незначительный инцидент классе этак во втором… Был у нас в классе мальчик Рома Израилов, горский еврей. Как-то кто-то из детей ему сказал: "Ты – Израиль, воюешь с арабами". Мне это высказывание тогда показалось совершенно безобидным, но когда об этом услышали мои родители, их почему-то это напугало… Они даже пошли в школу, чтобы поговорить с нашей классной руководительницей.

Вообще Израиль был с точки зрения советского человека ультимативной страной –изгоем. О Израиле нельзя было найти не то что позитивную, но даже нейтральную информацию. На географических картах внизу непременно стояла пометка "Границы государства Израиль показаны в соответствие с решение ООН". Пометка эта была несколько смехотворной, поскольку на большинстве карт Израиль в силу своих крошечных размеров едва был виден в каких бы то ни было границах. Были на свете и другие страны, враждебные Советскому Союзу, ну хотя бы та же ЮАР. Но о ЮАР можно было найти хоть какую-то нейтральную информацию, скажем о богатом животном мире. Все, что касалось Израиля, рисовалось в самых черных цветах. Агрессия, преступления против арабских народов, военизированные поселения и т. д. и т. п.

Источником позитивной информации об Израиле неожиданно оказался наш старенький радиоприемник. Тогда еще на "глушили"… Бабушка по вечерам просиживала у радиоприемника, слушая "Голос Израиля" и "Голос Америки", а я сидел в той же комнате за письменным столом и делал уроки… или делал вид, что делал уроки.

В целом, как я уже писал, принадлежность к евреям в те годы воспринималась как некое постыдное пятно. Нечто неприличное, как венерическая болезнь.

Сухолуцкий Евгений (Меир) Биньяминович 1959 г.р.

Насколько я помню, еврейская тема всегда существовала дома, но всегда крайне фоново. В доме были всякие книжонки типа "Сионизм без маски", "Осторожно сионизм" и тому подобной пакости, которую покупали, похоже, исключительно евреи, чтобы извлечь из них хоть какую-то полезную информацию. Было также собрание сочинений Шолом-Алейхема. Я прочёл его, он меня заинтересовал, но удовольствия я не получил – очень уж мрачно и грустно всё там описывалось… Но оттуда я извлёк и информацию об обычаях и праздниках, о которых толком ничего не знал. На слуху был только Песах, перед которым папа покупал в синагоге пятикилограммовую коробку мацы. Впрочем, хлеб и макароны никуда из меню не исчезали.

При этом Израилем как-то особо не интересовались. Была "Спидола", на которой всё время звучали Голос Америки или Свобода, а вот Коль Исраэль не слушали. Шестидневную Войну я не помню совершенно. Как ни странно, не помню даже Войну Судного дня, хотя я уверен, что тогда интересовался, просто не мог не интересоваться, поскольку, к примеру, события на Кипре помню. Впрочем, резню на Мюнхенской Олимпиаде и Энтеббе тоже помню. Короче, Израиль не был объектом особого интереса. При этом ещё в школьные времена я совершенно чётко знал, что в СССР жить не буду и при возможности уеду, поскольку уже тогда был убеждённым антикоммунистом (помнится, мы с друзьями каждый год отмечали годовщину переворота Пиночета в Чили). Но целью как-то само собой понималась Америка. Впрочем, был период, когда я мечтал о ЮАР.

В 1976 г, я окончил школу, поступил в Азербайджанский институт нефти и химии (АЗИНЕФТЕХИМ), на факультет автоматизации производственных процессов по специальности АСУ (автоматизированные системы управления). Не скажу, что это то, чем я мечтал заниматься, но родители меня убедили, что со специальностью, связанной с компьютерами, везде можно будет найти работу. В этом они оказались правы. В 1978 г. окончил школу и поступил на тот же факультет мой брат. А в 1979 г. власти закрыли выезд из страны. Полностью он закончился в 1980 г.

Изменения в моих взглядах начали происходить где-то в конце 70-х. Я не помню, как это пошло. Но в Энциклопедии Брокгауза-Евфрона я нашёл статью про еврейский календарь и формулу подсчёта даты Песаха. Еврейского календаря в СССР достать было практически нельзя, и я сам стал его рассчитывать. Сохранившаяся у меня общая тетрадь, в которой я вёл этот календарь, начинается с июня 1980 г. Это и можно считать началом моего активного интереса к еврейству.

По окончании института в 1981 г. я начал работать в Институте кибернетики Академии Наук Азербайджана. Это была шарашкина контора, но у неё был колоссальный плюс. Поскольку ИК был при Академии, то я мог пользоваться и академической библиотекой. А книги там по советским понятиям были совершенно потрясающими, причём в свободном доступе. В частности, я прочёл там многотомные "Историю евреев" Греца и "Всеобщую историю евреев" Дубнова. Поднимал я старые советские газеты и делал выписки из статей периода Войны за Независимость, Шестидневной Войны и Войны Судного дня.

Через год, в 1982 г., в Институт кибернетики пришёл работать Моше (Михаил) Дворкин, с которым я был знаком ещё со школьных времён по дням рождения у общего друга. Знакомство было шапочное, но в Институте кибернетики мы быстро сдружились. И с течением времени тема Израиля всплывала всё чаще, пока в какой-то момент не щёлкнул переключатель, и я понял: ехать надо, но не в Америку, а в Израиль.

Весной (в апреле или мае) 1985 г. Дворкин сказал мне, что познакомился с парнем, который только что демобилизовался и вернулся в Баку, он отказник и знает иврит. Так я познакомился с Моше (Михаилом) Зильберштейном. Не помню, было ли знакомство с Зильберштейном целевым для изучения иврита или это предложение последовало потом, но мы создали группу. Третьим к нам присоединился наш сотрудник по ИК Григорий Родбан. В самом начале возникла идея, что неприлично учить иврит, сохраняя русские имена. Оба Миши стали Моше, я стал Меиром, а Гриша Родбан взял себе имя Дан.

Уроки проходили у Зильберштейна дома. Иврит мы учили по израильскому учебнику "Элеф милим", который был в единственном экземпляре, поэтому новые слова мы переписывали в тетради (я сохранил её на память), а учебник передавали друг другу по очереди, благо работали в одном месте.

Естественно, изучением иврита дело не ограничилось. Возникла вполне сионистская компания, хотя и не очень большая. В неё входили: Бенцион Копейкис, с которым Зильберштейн дружил ещё до нас. Бенцион хазар бе-тшува (вернулся к религии), стал хабадником, что, как я понимаю, не очень нравилось его родителям, соответственно, им не нравились и мы. Бенцион также знал иврит, у него был свой ученик, Барух-гадоль[68] (т.е. большой). Учился он не только ивриту, но и иудаизму, был на несколько лет старше нас. Был ещё Барух-катан (т.е. маленький), Барух Кожокин, из семьи ильинцев. Семья была религиозной, что для нас было очень необычно. Естественно, что Барух-катан тоже знал иврит. Были ещё несколько человек, с которыми общались более эпизодически. Был Яков Горнштейн[69]. Был паренёк Эдгар, ставший Эзрой, был горский еврей Рамбам (Ромбик) Баазов, благодаря которому остались немногочисленные фотографии того периода – он был профессиональным фотографом. Был Георгий Кац, не участвовавший в еврейских делах, но бывший частью компании. Изредка появлялся Сион Абрамов, горский еврей, переехавший в Питер и ставший там хабадником.

Естественно, ивритом дело не ограничивалось. Отмечали все праздники, ездили в Москву и Питер, где у Зильберштейна и Копейкиса были знакомые сионистские компании, общались и привозили литературу, как религиозную, так и сионистскую. Общались с приезжавшими для передачи литературы и разных материалов иностранцами. Короче говоря, жизнь стала бурной и очень интересной.

Эти воспоминания прекрасно дополняют ситуацию на 1985 г. Добавлю, что в период службы в СА, в Тбилиси, я обнаружил, что тбилисские сионисты получают еврейскую газету из Румынии. Газета

---

[68] Барух (Борис) Штабинский. Еврейский активист, религиозный.
[69] Яков Горнштейн, еврейский активист.

называлась "Revista Cultului Mozaic", выходила раз в две недели. Большая часть страниц была на румынском, но часть информации печаталась на иврите, идиш и английском языках. Оказалось, что главный раввин Румынии, раби Моше Розен[70], присылает эту газету всем желающим в СССР, бесплатно. По приезду в Баку я написал раввину Моше Розену обстоятельное письмо на иврите и поинтересовался возможностью получения газеты в Баку и о способе оплаты. Раби Моше Розен не просто ответил письмом, он стал регулярно присылать мне и Бенциону Копейкису по экземпляру газеты, проигнорировав предложение об оплате. Когда появились дополнительные желающие получать газету, раби Розен просто попросил прислать ему список и газету стали получать еще человек 7-8. Кроме того у нас завязалась некоторая переписка с раби Розеном, мы старательно поздравляли его на еврейские праздники и держали в курсе дел нашей бакинской общины. Несомненно, он был человеком занятым, однако не было случая, чтобы он не ответил на письмо. Раби Розен, к сожалению, на момент написания этих строк уже скончался, пусть будет благословенна его память.

"*… жизнь стала бурной и очень интересной*" и это точно отражает оживление. Была отброшена ненужная конспирация, кроме упомянутых здесь друзей появились еще желающие учить иврит, иностранцы и различные советские сионисты очень регулярно посещали Баку. Все было настолько хорошо, что отсутствие активности со стороны КГБ очень настораживало.

Весна 1986 г. "Долгожданная" активность КГБ.

Приблизительно в апреле 1986 г. меня вызвал к себе мой начальник по работе. Пряча глаза, он сказал, что "один мой друг" позвонил ему и попросил меня прийти на встречу прямо сейчас. В тот же момент я понял кто этот "один мой друг". Мои друзья не звонили моему начальнику и не назначали через него встречи. У друзей был номер прямого рабочего телефона. Мое замечание о том, что с другом я встречусь потом,

[70] Моше Розен – **דוד משה רוזן**- (1912 – 1994), главный раввин румынской еврейской общины с 1948 г.

взволновало начальника. Он стал настаивать, чтобы я пошел на встречу немедленно и даже проводил меня до выхода из здания.

Ни к какому "другу" я не пошел, а вместо этого отправился на встречу с Дворкиным, Сухолуцким и еще с приезжим сионистом из Москвы. Я проинформировал их о случившемся, послушал полезные советы москвича. Информация произвела на всех нас неприятное впечатление.

Следующим вечером у нас дома состоялся урок иврита, пришли Дворкин, Сухолуцкий и Родбан: "… *раздался телефонный звонок, и некто в чине майора предложил Зильберштейну зайти завтра в КГБ. "Ничего серьезного, просто побеседовать". Как несложно понять, урок был сорван. Мы решили, что звонок был приурочен к уроку специально, чтобы продемонстрировать, что они всё знают. И неудивительно, мы и не скрывались, об уроках договаривались по телефону. Не сложно догадаться, что мы испугались. Думали, что делать, решили уничтожить наиболее одиозные материалы. Вечером их жгли*"[71].

Скажу, что всю имеющуюся у меня литературу, учебники и пр. я унес из дома и перепрятал, не сжигая ничего. Слишком трудно было достать все это, чтобы так вот уничтожить своими руками. Однако все это случилось после визита в КГБ.

На следующий день я отправился на вынужденную встречу. Предупредил родителей и договорился с Меиром Сухолуцким: если я не вернусь до определенного часа, то он позвонит в Москву по таким-то номерам телефонов и скажет открытым текстом, что меня арестовали. Встреча была назначена майором у бокового входа в клуб Дзержинского, по ул. Шаумяна. Майор представился Валентином Федоровичем Шевченко, попросил мой паспорт, и мы вошли в клуб Дзержинского, в какой-то кабинет. Там, после стандартных вопросов о месте жительства, службе в армии и т.д. Валентин Федорович сказал, что "они" в целом имеют ясную картину моей деятельности, но есть несколько неясных моментов, которые я, по его мнению, проясню.

---

[71] Меир Сухолуцкий. Свидетельство приводится согласно источнику.

В этом здании по ул. Шаумяна в 1980-е годы располагался КГБ Азербайджана.

На мой вопрос ответил, что это "беседа". Дальше пошли вопросы, на которые мне не хотелось бы отвечать. Ответ такой майору не понравился, и он попросил меня следовать за ним. Мы покинули кабинет, пересекли ул. Шаумяна и вошли в здание КГБ. Валентин Федорович привел меня в кабинет. Сидевший за столом представился Акрамом Касумовичем Селимзаде. Звания его я не помню, но судя по поведению Валентина Федоровича было ясно, что Селимзаде его начальник.

Беседа с этими, и еще каким-то третьим ГБ-шником продолжалась, насколько я помню, около 4-5 часов. Не стану здесь углубляться в подробности, скажу только, что некоторые советы побывавших в КГБ, оказались полезными. В конце концов, после того, как я отказался подписать любую бумагу и хранить содержание беседы в тайне, меня отпустили. До того, очень настоятельно "посоветовали" прекратить встречи с иностранцами и преподавание иврита, предложили записать номер телефона, очень обиделись, когда я сказал, что звонить к ним и общаться никак не собираюсь. Селимзаде закричал: "Нам такие и не нужны. Ты как твой друг Копейкис. Он тоже на вопросы отвечал: "На все воля Божья". Если бы не нервы, я бы рассмеялся от этого замечания. По

выходу я пришел домой к Сухолуцкому, позвонил и успокоил родителей. Пересказал Сухолуцкому содержание беседы. Стресс от всего пережитого был очень сильным. Тем не менее, по совету Сухолуцкого, мы оба отправились обходить всех друзей из нашей компании. Звонить заранее и сообщить о приходе мы опасались, предпочли просто явиться. Визиты имели две главные цели: предупредить о вспышке активности КГБ чтобы каждый смог подготовиться. Второй целью был опрос уже побывавших в КГБ, чтобы узнать, о чем их спрашивали? Сухолуцкий очень резонно предложил, чтобы мы с ним, по свежим следам, записали все вопросы, задаваемые КГБ. Ответы нас не интересовали, мы исходили из того, что как можно более полный список вопросов даст нам картину того, что именно известно КГБ.

Список вопросов был сделан, стало ясно, что КГБ имеет полную информацию о всех встречах с иностранцами, даты таких встреч и имена всех присутствующих. Имена всех членов нашей компании, преподавание иврита также не остались тайной. Не могу сказать, что "осведомленность" КГБ стала для нас большим сюрпризом. С учетом того, что мы не прятались, не конспирировались, свободно разговаривали по телефону, такое "всезнание" не показалось волшебством. Не были заданы вопросы о связях с еврейскими активистами других городов, не было предложено назвать их фамилии или характер знакомства. Ни один вопрос не коснулся каналов, по которым поступали учебники и еврейская литература, да и само преподавание иврита, кроме общего недовольства не вызвало вопросов, хотя мы ожидали вопросов об учебниках или о "праве преподавания языка" без соответствующего документа министерства образования СССР. Также не было высказано вслух какое-либо неприятие религии или замечаний о застольях в еврейские религиозные праздники, посещения синагог. Не заданные вопросы и незатронутые темы заставили нас задуматься: была ли у КГБ информация о всем сказанном или же они предполагали, что мы им поднесем ее? Рассуждая логически, они должны были интересоваться всеми этими темами. Но донесенный до нашего внимания посыл касался преподавания иврита и встреч с иностранцами.

Весь апрель и май 1986 г. КГБ продолжал свои "беседы" с еврейскими активистами. Порядка 8-10 человек были вызваны КГБ.

Атмосфера была очень нервной, напряженной. Вся деятельность по преподаванию иврита, встречи с иностранцами были свернуты. Дошло до комической ситуации, те кого не вызвали в КГБ нервничали именно от того, что ими "пренебрегли".

В мае 1986 г. произошло трагическое событие, один из наших друзей, после целого ряда таких "бесед" в КГБ не выдержал напряжения. Доведенный до отчаяния, он покончил жизнь самоубийством. Это повергло всех нас в шоковое состояние. Погиб добрый и веселый человек. Он оставил детей и жену.

Естественно, было открыто уголовное дело. В один из дней я, и почему-то моя мама, Зильберштейн Бетти Михайловна, получили повестки явиться в районное отделение милиции Насиминского района. Молодой следователь даже не скрывал, что дело инспектируется КГБ. По характеру вопросов стало ясно, что целью является "выявление антисоветской организации". На вопрос: "Кто довел N* до самоубийства? " моя мама назвала КГБ. В свою очередь я отказался отвечать на вопросы, которые имели прямое отношение к связям с заграницей, но совершенно не касались главной темы – смерти бедного N*.

По возвращении домой я позвонил в Москву, к какому-то видному еврейскому активисту, рассказал ему открытым текстом, не скрывая ничего и называя КГБ своим именем, всю историю. И попросил немедленную огласку на Западе и в Израиле в случае ареста кого-либо в Баку.

До сего дня мы не знаем, что именно произошло. Активность КГБ резко сошла на нет, уголовное дело закрыто без видимых последствий в отношении кого-либо. Можно только предположить, что возможная огласка на Западе и, как следствие, нежелательное для КГБ Баку вмешательство Москвы, стали причиной тому. Ни на секунду не предполагаю, что Москву интересовала трагедия и "методы" работы Азербайджанского КГБ. Может и так, что все пошло не по плану КГБ и они предпочли остановиться. Все выводы остаются лишь догадками.

Следствием деятельности КГБ стал, как минимум, полугодовой застой в нашей активности. Тем не менее, постепенно все не только

вернулось к прежнему состоянию, но и более того, деятельность расширилась и приняла новые формы.

Возвращение к прежней деятельности: 1987 г.

В 1987 г. все мы оправились от прошлогоднего давления со стороны КГБ. Размах деятельности вернулся к до ГБ-шной акции и даже более того. Мы встречались с иностранцами, в Баку приезжало немало сионистских активистов из других городов СССР. Это позволяло нам укреплять связи с разными группами и городами. Преподавание иврита продолжалось ударными темпами.

Кроме того, мы начали новый род деятельности, до того не знакомый в Баку. Горбачевская перестройка набирала обороты, все совершенно явно видели, что советская власть, коммунистическая идеология переживает серьезный кризис. Не могу сказать, понимали ли это жители Баку, но для всех в нашей еврейской компании это было очевидно. СССР рушится.

Приблизительно в это время среди еврейских активистов в разных городах СССР стала набирать обороты кампания по написанию различных писем протеста[72]. Причин хватало, жестокое обращение с узниками Сиона, содержание в отказе людей, которые по гуманитарным или медицинским причинам должны были уехать из СССР. О факте обращения сообщалось в Израиль и на Запад, там уже о нем трубили вовсю. Мы полагали, что это должно доставить властям СССР и КГБ определенные неудобства. В текстах таких писем-воззваний мы совершенно цинично апеллировали к советским законам, конституции и демократическим нормам самого же СССР, используя полный набор советских штампов газеты "Правда".

Но в борьбу против советской власти, за демократию и права человека в СССР мы не вмешивались никак, полагая, что менять эту страну не наше дело.

[72] Не исключено, что это явление много старше, но при Горбачеве оно приобрело размах.

В 1986 г. В Тбилиси был арестован Бецалель (Бесо) Шалолашвили, студент отказник. Предъявленное обвинение – отказ от службы в армии. Бесо Шалолашвили был знаком мне с времен недавней армейской службы в Тбилиси. Начался сбор подписей под воззванием о его освобождении. Понятно, что поставить свою подпись под этим документом было делом совести. С тех пор Бенцион Копейкис и я подписывались чуть не под любым воззванием к властям. Сам Бенцион во время одного из обсуждений "подписываться или нет" сказал так: "В СССР за меньшее ставили к стенке. Мы уже давно заработали на расстрел, так что глупо прикидываться девочкой".

Как правило, информация о воззвании получалась из Еревана, от очень деятельных и видных активистов, супругов Вилли и Евгении Паланкеров. Вилли звонил и открытым текстом информировал о воззвании, зачитывал текст и спрашивал, готовы ли мы подписать документ? Практически всегда мы соглашались подписаться. Сами подписи были не закорючкой, а нашим согласием на внесение имен, фамилий, адресов и номеров паспортов в списки подписантов.

Другой акцией было получение "израильского гражданства". Затрудняюсь сказать, когда это началось, но наверно в начале 1980-х в Израиле была запущена следующая пропагандистская акция: советским отказникам стали заочно давать символическое израильское гражданство. Разными путями обладателям "гражданства" пересылался "сертификат о гражданстве". Когда я поинтересовался этим у одного из старых московских отказников, кажется у Игоря Гурвича, он ответил мне: "Я не хочу, чтобы мне вручали этот сертификат дома. Я хочу, чтобы меня вызвали в Голландское посольство[73] и там торжественно вручили гражданство Израиля. Через заезжих иностранцев я и Бенцион Копейкис запросили себе такое гражданство. Сертификатов мы не получили, но нам передали их номер. Тогда я отправился в почтовое отделение по ул. Шаумяна и дал длинную телеграмму, уже не помню в какую московскую инстанцию. Кажется, в Верховный Совет. В телеграмме я информировал о наличии израильского гражданства, и поскольку по законам СССР двойное

[73] После разрыва СССР дипломатических отношений с Израилем (в 1967 г.) и до их восстановления в 1991 г. интересы Израиля в СССР представляло Голландское посольство.

гражданство не признается, то я просил лишить меня советского гражданства. Бедная телеграфистка долго изучала текст, затем удалилась куда-то, вернулась через некоторое время, попросила мой паспорт, переписала с него данные и приняла телеграмму.

Из памятных мне подписаний могу назвать еще одно. По просьбе минского еврейского активиста Марка Кагана мы, бакинские евреи, обратились к главе минского городского совета. Имени председателя я не помню, а суть была такова. В Минске есть место, называемое "Яма", в 1942 г. фашисты расстреляли там около 5000 узников минского гетто. В 1947 г. на месте трагедии был поставлен памятный обелиск с текстом на идиш и русском. По словам Марка Кагана антисемиты намеренно бросали мусор, пускали вниз (наверно потому место и называлось ямой) покрышки. Марк Каган хотел, чтобы просьбы об охране памятника и пресечении антисемитских акций пришли со всей страны. Мы составили письмо, очень вежливое, но с настойчивой просьбой принять меры. Самое удивительное, что мы получили письменный ответ. Глава горсовета ответил, что памятник охраняется, антисемитизм чужд гражданам Минска. Покрышки же, по его словам, бросались детьми не из антисемитских побуждений, а просто из детского озорства и без всякой связи с находившимся на дне "Ямы" памятником. При моей большой любви к коммунистам я должен отметить порядочность мера города Минск, по крайней мере касательно этой истории. Ответ лично мне показался искренним, если и не в части антисемитизма, то в истории о детском озорстве. Мы сами в детстве любили запускать покрышки с баладжарского спуска вниз и смотреть как далеко укатится такая покрышка. Текст письма, как нашего, так и ответа, я переправил Марку Кагану.

8.VII 1988

Министру иностранных дел СССР
тов. Шеварднадзе Э.А.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом сообщить следующее:

В г.Баку находится консульство Исламской республики Иран. Около консульства размещены стенды, предназначенные, очевидно, для распространения информации об Иране, его жизни и культуре (как это делается консульством Ирака в Баку). Однако ни одного материала на эти темы на стендах нет. Все они носят антиизраильский и антисемитский характер. Политика, проводимая Ираном, - это дело его руководства, но акция, предпринимаемая иранским консульством, касается не только Ирана, но и нас, жителей города, где это консульство находится. Мы полагаем, что ведение антиизраильской пропаганды (вывешивание плакатов типа: "Израиль должен быть уничтожен" и т.п.) не входит в компетенцию консульства какого-либо государства (как, впрочем, ведение пропаганды против любой другой страны), а ух тем более недопустима антисемитская пропаганда, что является прямым нарушением законов СССР. Особое значение этот вопрос приобретает в связи с событиями в нашем регионе. Мы считаем, что недопустимы любые действия, оскорбляющие национальное достоинство и могущие привести к событиям типа сумгаитских. Мы надеемся, что Министерство Иностранных Дел СССР и Вы лично предпримет необходимые действия по разрешению данного вопроса и недопущению подобных акций впредь.

С уважением

Сухолуцкий Е.Б.
Ентина Е.А.
Зильберштейн Г.Я.
Зильберштейн М.Я.
Дворкин М.П.
Ханукашвили Д.Ш.
Гершфельд Ю.Г.
Гольштейн Я.А.

Обращение в МИД СССР. Каждый расписывался против своего имени и указывал № паспорта.

Московская международная книжная выставка-ярмарка[74] 1987 г.

В 1977 г. в СССР была проведена первая Московская международная книжная выставка-ярмарка. С тех пор и по 1990-е ярмарка стартовала раз в два года. Советский союз придавал этому мероприятию большое пропагандистское и идеологическое значение. Настолько важное, что в первой же ярмарке приняла участие израильская делегация[75], совершенно беспрецедентный случай для страны, не имеющей дипломатических отношений с Израилем. Нежелание сорвать проведение ярмарок в Москве вынудило пойти руководство СССР на рискованный шаг и все предполагаемые опасения сбылись в полной мере.

Мне представляется, что описывать опасения идеологов КПСС и аналитиков КГБ не имеет никакого смысла. Ответ на поверхности, он ясен абсолютно и для этого не нужно было присутствовать на совещаниях вышеупомянутых советских органов.

Участие израильских представителей в московской книжной ярмарке открыло перед "Лишкат-ha-Кешер" (Бюро по связям - Натив) неограниченные возможности, и они были воплощены в жизнь.

Ярмарки всегда проводились в первой половине сентября на территории ВДНХ[76] и продолжались одну неделю. Делегации же находились в Москве 2 недели, для подготовки павильонов, а после закрытия и для сбора книг. В 1977 г. израильская делегация состояла из 2-х человек. В 6-ой книжной ярмарке, состоявшейся с 8 по 14 сентября 1987 г. израильская делегация насчитывала уже 30 человек. Израилю был предоставлен большой павильон. Экспозиции предшествовали работа с издателями подбор книг, сувениров, составление списка книг и оборудования и согласование его с советской стороной. Список нужно было представить советской стороне по-русски. Ответственная за составление списка сидела с переводчицей и машинисткой, и они писали в соответствии с определенной формой название каждой книги, когда, где и кем издана, название каждого плаката, каждой резинки и каждого

[74] Вся информация об участии Израиля в книжной ярмарке дана по сайту: kosharovsky.com
[75] Имеется в виду делегация гос-ва Израиль, а не представителей израильской компартии.
[76] ВДНХ – Выставка Достижений Народного Хозяйства.

пластикового пакетика с точным количеством по каждому разряду. Затем была переписка с руководством книжной ярмарки. Нужно было представить список всего, что будет привезено, – до последней мелочи. Видеомагнитофоны еще не получили столь широкого распространения, персональные компьютеры вообще были чем-то из мира фантастики, так что было заготовлено и представлено много слайдов. Собственно, подборкой книг для израильского павильона занимался уже упомянутый выше Арье Кроль. Он в значительной степени определял, какие книги брать, какое оборудование. Подготовка к ярмарке продолжалась в Израиле около полугода. Советские власти не допустили на ярмарку 1987 г. 20 книг на русском языке и 2000 плакатов израильтян, а также 50 русскоязычных книг, принадлежащих американцам.

Израильтяне по своим каналам заранее информировали о приближении ярмарки, но еще большую рекламу ей делали западные радиостанции. Еврейские активисты из разных городов брали отпуска, чтобы попасть на ярмарку и на многочисленные встречи, которые мы устраивали для членов израильской делегации. Интерес к израильскому павильону был чрезвычайно высок не только у активистов и отказников, но и у остального еврейского населения, желавшего хоть краешком глаза увидеть кусочек израильской жизни, посмотреть на изданные в еврейской стране книги и пообщаться с живыми израильтянами.

Израильский павильон и представители отличались от всех других стран-участниц тем, что позволяли посетителям забирать книги с выставки. Еще точней, они просто старательно закрывали глаза на "кражу" книг. Нельзя сказать, что все это не было известно КГБ. Напротив, у входа/выхода в израильский павильон, а также и в нем самом, крутились "посетители в штатском", они засекали попытки забрать книги и виновные задерживались с поличным. В таких случаях представители израильской делегации вмешивались и заявляли, что книги были подарены человеку, а не украдены. Часто книги просто надписывались и передавались, таким образом это служило свидетельством "честного получения книги". Насколько известно мне, у незадачливых "воришек" переписывали их паспортные данные, уголовных дел не возбуждали.

Передача же книг еврейским активистам в Москве происходила по другой схеме. Задолго до ярмарки согласовывалось, что именно интересует сообщество отказников. Как правило, это были учебные

материалы, израильские песни, слайды и открытки с видами Израиля, израильские сувениры. Члены израильской делегации каждый день переносили книги в свои номера в гостинице. Параллельно с израильской делегацией в Москву приезжало несколько пар туристов, единственная задача которых состояла в том, чтобы переносить книги из гостиницы в квартиры отказников. Они делали это каждый вечер. Мы, со своей стороны, готовили около десяти «чистых», т.е. совершенно не засвеченных квартир, куда приносили книги. Специально подготовленная команда по ночам переправляла книги в 3-4 другие еще более «чистые» квартиры. Через некоторое время книги на этих квартирах сортировались и отправлялись учителям иврита и активистам в Москве и других городах. Эта система была задействована на четырех книжных ярмарках, с 1981 по 1987 годы, и не дала ни одного сбоя. Юлий Кошаровский, с сайта которого я привожу все данные и закулисную сторону этих событий, считает, что успех не следует отнести лишь к хорошей организации процесса с двух сторон. Вполне возможно, что гэбисты смотрели на это сквозь пальцы, зная, что ничего антисоветского в израильских книгах нет. Или же они были заняты десятками других иностранных делегаций, некоторые из которых вызывали большее подозрение.

Это, относительно подробное описание, должно предварить рассказ о моем посещении книжной ярмарки в 1987 г. Я прилетел в Москву к концу первой недели сентября, встретился с рядом еврейских активистов. Встречи включали присутствие на уроках иврита у разных преподавателей и спонтанное, по просьбе учителей, чтение лекций на иврите для учеников. Для меня это было очень познавательно и интересно. С учителями мы обсуждали различные проблемы преподавания, связанные с препонами властей, делились методами обучения. Кстати, уже не в первый раз учителя говорили, что обязательно берут деньги с учеников за уроки. Кроме заработка, плата за учебу предполагала серьезное отношение ученика к занятиям. Доля резона в этом была, но мы в Баку преподавали иврит бесплатно, ради идеи. Серьезное же отношение было обеспечено тем, что просто так к нам не приходили, а уж если пришли, то были мотивированы по макушку.

Игорь Гурвич предупредил меня, чтобы я не пытался утащить ничего с павильона. Все книги в конце концов принесут к нему домой, и я смогу выбрать себе что душа пожелает. Поскольку это была одна из главных целей моего визита, я весьма обрадовался. Осталось воплотить

следующие планы: познакомиться с максимальным количеством еврейских активистов из других городов и завязать связи с ними. Ну и конечно, посетить израильский павильон и там же познакомиться с израильтянами.

Билет на ярмарку мне заранее купил славный парень Игорь Дорфман. В назначенный день, отстояв невероятную очередь, я попал в огромный зал, разделенный перегородками на павильоны. Маленький Израиль был представлен сразу тремя разными павильонами: государством Израиль, коммунистической партией Израиля и организацией освобождения Палестины. Оказалось, что после огромной очереди внутрь нужно было отстоять еще одну, в израильский павильон. Из-за наплыва желающих, туда пускали порциями, по мере выхода тех, кто уже побывал внутри. Многие посетители, отгуляв в израильском павильоне, шли с визитом к коммунистам Израиля и представителям ООП. Коммунисты почти все арабы, неплохо разговаривали по-русски, сказывалось обучение в СССР. Очень скоро я обратил внимание, что посетители евреи приходят к коммунистам исключительно для идеологических споров, которые очень скоро перерастали в ругань. Тогда вмешивались неизменные стражи порядка, и скандалист-антикоммунист выпроваживался с территории павильона израильской компартии. ООП посещались просто из интереса, никто не ругался с ними, да и вообще, общее отношение к ООП было сродни отношению к гитлеровцам. Эту организацию презирали и ненавидели все.

Кроме трех представителей от Израиля имелся еще один павильон, американских еврейских издателей. Он также пользовался популярностью, но книги там не воровали.

У меня был билет и на последний день ярмарки, но тут устроители изменили прежние правила входа и билет оказался недействительным. Просто зайти на территорию ВДНХ можно было по специальному билету или пропуску, это я с легкостью преодолел, сунув билетерше на входе трешку вместо билета. Трудней оказалось попасть в израильский павильон. Очередь в общий зал была многокилометровой, не было и речи о том, чтобы отстоять ее. Я пошел в обход огромного помещения, но все боковые и задний двери и окна были закрыты, или же у них стояли охранники. Попытка повторить трюк с трешкой не возымела успеха, сторожиха покосилась на стоявшего в глубине стража и прошептала, что

меня все равно задержат. Огорченный, я побрел назад, прошел не более 10 метров и уступил дорогу ехавшему навстречу "жигуленку". Случайно брошенным взглядом внутрь машины я увидел массу израильских проспектов и книг на иврите. Не веря своей удаче, я вернулся назад и обратился к оторопевшему водителю на иврите. Объяснил, что я приехал издалека и все ради израильского павильона. И что мне нужно попасть внутрь, любой ценой. Я уже понял, что водитель привез книги и проспекты в павильон и предложил ему помочь с переноской груза. Израильтянин показал мне на полный картонный ящик, я схватил его и демонстративно громко перекрикиваясь на иврите, прошел мимо сторожихи и стража, словно так просто и должно было быть. С этим ящиком я ввалился в рабочее помещение израильского павильона. При моем появлении все присутствующие замолчали и недоуменно уставились на меня. Им я громко заявил на иврите "Все в порядке ребята, продолжайте разговаривать, принимайте свой ящик". После этого я вышел из помещения и попал прямо в израильский павильон.

На этот раз я застрял в павильоне несколько добрых часов и часть впечатлений и событий являются смесью первого и второго визитов. Покрутившись в павильоне минут с 15-20, я безошибочно выделил кгбшников. Их легко было вычислить по взгляду. Кроме того, в те несколько часов, что я крутился там, публика менялась, но эти все время присутствовали. Если они выходили (в туалет, в конце концов), то возвращаясь, проходили в обход внутренней очереди и охранники пропускали их без слов. Конечно же и они точно также выделяли нас. Наверняка часть визитеров была известна им, а гастролеры, вроде меня, столь же легко узнавались. Мы, в отличии от визитеров-евреев, не слонялись с восторженными и сияющими глазами, а завязывали разговоры с израильтянами и другими активистами. Большей частью разговоры шли на иврите, что также выделяло нас.

Тут я познакомился с представителями израильской делегации и различными еврейскими активистами, наговорившись с ними, пообщался также к вящему удовольствию с писателем Ханохом Бартовом[77]. Ему я переводил с иврита на русский и наоборот вопросы и ответы посетителей, причем он был в восторге от моего иврита. Но в полный шок его повергло

[77] Ханох Бартов (1926 - 2016) Израильский писатель, романист, драматург, публицист. Писал на языке иврит.

то, что когда к нему подошли несколько молодых ребят из Красной Слободы и стали на очень плохом русском спрашивать его что-то, я заговорил с ними на азербайджанском и переводил их вопросы к Ханоху с азербайджанского на иврит и обратно.

Наговорившись и назнакомившись, я застрял у какой-то машинки, скажем, прообразом компьютера. На экране появлялись вопросы по языку иврит, лексике, грамматике и нужно было выбрать правильный ответ из 4-х предложенных. Сюрреализм заключался в том, что одним моим компаньоном по "экзамену" на знание иврита был отказник ленинградец, а вторым кгбшник из присутствующих в павильоне. Мы прекрасно понимали, что знаем "кто есть кто", и все же дружно решали задачки, побеждая аппарат.

В Баку я конечно же вернулся с хорошим грузом книг, полученных от Гурвича, и полный впечатлений.

Легальный ульпан иврита в 1987 г.

В 1987 г. в нашу компанию влился Владимир (Зеев) Фарбер. Он оказался необычно энергичным, напористым человеком. Все эти качества проявились в полной мере, когда на волне перестройки родилась смутная идея создать что-то еврейское. Первоначально это даже не оформилось в создание курса для обучения ивриту. Рассматривались всякие варианты, предполагалось, что вывеска может быть какой угодно, хоть "Клуб еврейских домохозяек". Главное было открыть какой-то кружок, с обязательным словом "еврейский" в названии. Естественно, имелось ввиду, что такой кружок будет просто ульпаном иврита и источником распространения информации о еврейской культуре, о государстве Израиль. Но самой главной целью было превратить курс в еврейский клуб, где могли бы встречаться, общаться бакинские евреи. По мере обсуждения идея языковых курсов выдвигалась на первый план. Однако для преподавания было необходимо помещение. Класс при школе, комната при клубе, любое учреждение, которое предоставило бы нам возможность привести группу людей несколько раз в неделю.

Чуть не на следующий день после решения Владимир Фарбер и я отправились по бакинским домам культуры, клубам и всем подходящим учреждениям в центре города. Реакция директоров заслуживает того, чтобы быть приведенной. Так в доме культуры 26 бакинских комиссаров нас принял руководитель, армянин. Он выслушал нашу просьбу, поинтересовался сутью предполагаемых курсов. Потом горестно и с сочувствием рассказал, что в Баку некогда был армянский театр, затем кружок, а потом все закрыли. После этого он сказал, что никак не может нам помочь. Нам вообще было странным, что где-то есть еще директор армянин, мы не обиделись и не расстроились, просто пошли дальше. В клубе авторской песни нас выслушал директор, кажется еврей. Этот просто и без обиняков заявил, что участники кружка чуть не повально евреи. И что клуб называют синагогой.

Самым интересным оказался визит в Азербайджанский Университет, на кафедру арабского языка. Мы пришли к профессору Мамедову Али Аскеру. Перед продолжением я должен сказать несколько слов об этом человеке. Мамедов Али Аскер был выдающимся востоковедом, арабистом, деканом кафедры арабского языка. Он совершенно свободно владел десятком иностранных языков, был основателем кафедры арабского языка в Аз. Университете. Кроме того, Али Аскер Мамедов был автором учебника арабского языка, вышедшего в Баку. Человек он был в высшей степени интересный, с хорошим чувством юмора.

Профессор Али Аскер Мамедов, а проще говоря, Али Аскер мюаллим, так я обращался к нему, очень живо заинтересовался нашим предложением. Он спросил кто будет преподавать, поинтересовался насколько хорошо я владею ивритом. Дальше он сказал нам буквально следующее, я совершенно точно передаю его слова:

"*Среди баранов, которые у меня учатся, есть несколько талантливых студентов. Им не помешали бы факультативные занятия ивритом или арамейским, для лучшего понимания структуры семитских языков. Есть только одна проблема. Нам систематически урезают часы, выделенные на арабский язык. Представляете, увеличили часы для дисциплины "История КПСС" за счет арабского. Можете*

представить себе такое? Увы, очень интересная идея, но она не найдет поддержки у ректора".

Мы не могли не оценить его прямоты и не подпасть под его обаяние. С улыбкой мы расстались с ним. В других местах мы также наталкивались на вежливые отказы. Вдруг, через несколько дней, пришли сияющие Владимир Фарбер и Барух Кожокин, и сказали, что директриса клуба железнодорожников "Ударник" готова предоставить нам помещение для самоокупаемых курсов. Переговоры с директрисой вел Фарбер, мастер убеждать. Он рассказал о желании преподавать "еврейский язык" молодым людям, предложил передавать клубу все деньги, которые будут взыматься как плата за учебу. В глазах азербайджанки Алиевой Наили не было ничего естественней того, что евреи интересуются еврейским языком. Фарбер обсудил с ней возможность рекламы курсов, милейшая директриса посодействовала и направила Фарбера от своего имени в отдел объявлений газеты "Вышка".

Плакат против входа в новое здание АЗИ по ул. Первомайской (Диляры Алиевой)

Чрезвычайно возбуждённые, мы стали планировать дальнейшие шаги. Каким образом мы сообщим максимальному количеству евреев Баку об открытии таких курсов? Подумав, мы решили расклеить плакаты с объявлением о записи на курсы. Фарбер же отправился в редакцию газеты "Вышка" давать объявление. Рекомендация директрисы клуба Наили Алиевой оказало волшебное действие, объявление было принято. И в объявлении в газету, и в плакатах мы намеренно не стали углубляться в детали и пригласили изучать "еврейский" язык. Какой именно "еврейский", в объявлениях не уточнялось. По телефону же мы говорили, что будет изучаться язык иврит.

Миссия написания плакатов выпала на меня. Я не стал заморачиваться рисованием плакатов, а просто заглянул к художнику кинотеатра "Билик", заплатил ему 10 рублей за плакат и заказал 10 плакатов. Текст был передан ему и вечером того же дня у меня были готовые плакаты. Места для расклейки плакатов были тщательно продуманы. Против входов/выходов центральных станций метро. В еврейском районе города (в районе синагог). Вокруг института АЗИ, где училось много евреев. Ночью мы с братом Германом (р. Цви) и Моше Дворкиным вылезли на дело, расклеили плакаты, а через несколько дней даже сфотографировали их, на память.

Вскоре вечером мы собрались у Зильберштейна и с удовольствием посмотрели на объявления об открытии курсов, которые предстояло расклеить по городу. Уже не помню, до того ли было подано объявление в газету или после, но оно таки было напечатано. Мы очень боялись, что не наберётся достаточно желающих и из-за этого не будет возможности открыть курсы, поэтому мы попросили всю нашу компанию прийти и записаться[78].

[78] Меир Сухолуцкий. Свидетельство приводится согласно источнику.

Zilbershtein's family home Baku 1987

1. Betty Zilbershteyn. 2. George Katz 3. Zeev Farber 4. Meir Sukholutsky 5. Yigal Gurvich 6. Moshe Zilbershtein 7. Moshe Dvorkin

После того, как было найдено помещение, встал вопрос о преподавании. Точней о преподавателе. Одной из зацепок КГБ в других городах была "отсутствие диплома о праве преподавания". Тут выступил Владимир Фарбер.

Владимир Фарбер был гением демагогии. Так вот, в ответ на вопрос – а на каком основании, собственно говоря, вы берете на себя смелость преподавать язык, который нигде не изучали – Вова вытаскивал свой университетский диплом (специальность – математика), и , тыча им в нос непонятливым, разъяснял, что он проходил такие важные предметы, как диамат, истмат, научный коммунизм, история партии, основы педагогики, этика, эстетика и т.д. – а следовательно может преподавать что угодно[79].

В университетском дипломе Фарбера была спасительная строка о "праве владельца диплома на преподавание". Мы были вдохновлены

[79] Моше Дворкин. Свидетельство приводится согласно источнику.

чрезвычайно, все полностью погрузились в этот проект. Единственное, чего мы опасались, это "что не наберётся достаточно желающих и из-за этого не будет возможности открыть курсы, поэтому мы попросили всю нашу компанию прийти и записаться"[80]. И тут как раз в газете “Вышка" было напечатано объявление о курсах "еврейского" языка. И в этом случае мы не стали заблаговременно указывать какой язык будет преподаваться. Именно благодаря объявлению в газете записалось немалое количество желающих. Сам факт объявления в советской газете был гарантией легальности.

На самом первом уроке я не присутствовал. Незадолго до этого мне позвонили из ОВИРа и сообщили, что я получил разрешение на выезд в Израиль. По этой причине я вылетел в Москву, чтобы решить несколько бюрократических вопросов, связанных с отъездом. Кроме того, я принял решение оттянуть свой выезд в Израиль настолько, насколько это возможно, чтобы довести курс иврита до конца учебного периода.

Перед отъездом я купил несколько бакинских газет для своего московского друга Игоря Дорфмана. Уже по прилету в Москву, получив телефонную информацию о первом уроке, я узнал об объявлении в "Вышке". Объявление как раз оказалось в купленной газете. Взяв газету, я навестил всех известных мне московских сионистов, показал им объявление и посвятил в историю открытия курсов. История произвела фурор, поразила всех решительно. Я попросил сообщить об открытии курсов максимальному количеству еврейских организаций в США, Европе и Израиле. Такая PR-акция должна была стать гарантией нормальному функционированию курсов.

[80] Меир Сухолуцкий. Свидетельство приводится согласно источнику.

Бакинский клуб железнодорожников «Ударник»

ПРОДОЛЖАЕТ НАБОР

на курсы еврейского языка.

Время занятий: по понедельникам и четвергам — с 18 час. 30 мин.

За справками обращаться по адресу: г. Баку, ул. Рылеева, 13. Телефон 99-50-92.

Проезд: трамваем № 6.

ВЫШКА

4 стр.

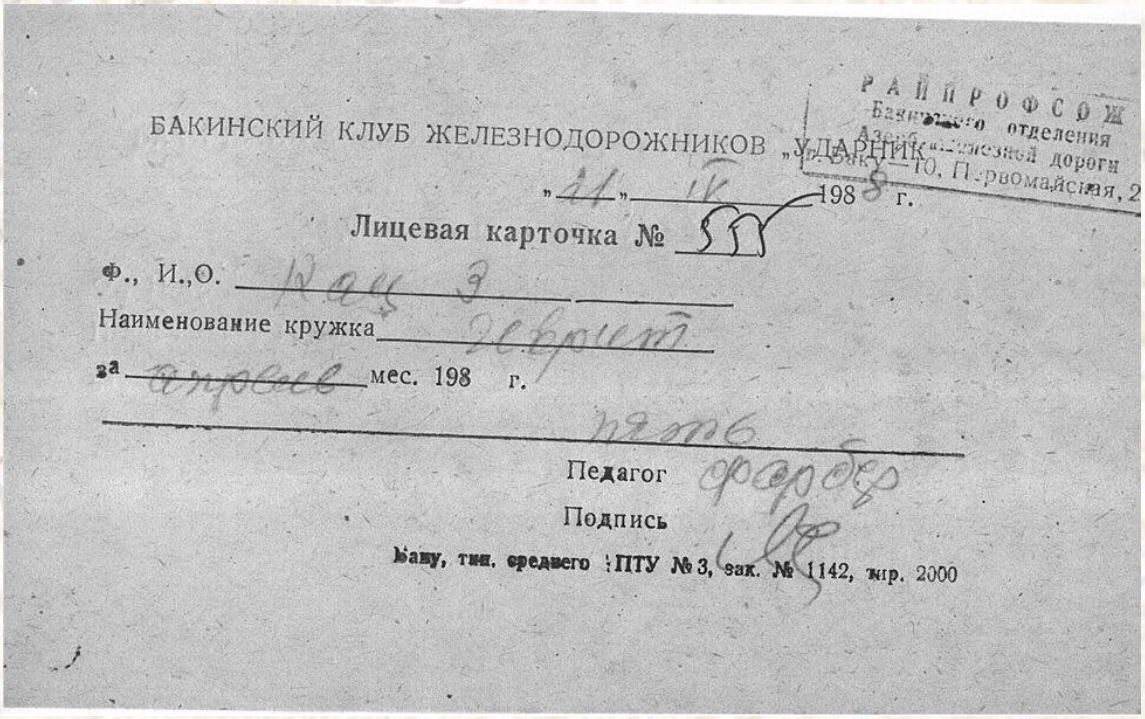
4 ноября 1987 г.

На первый урок пришло порядка сотни евреев. Это превзошло все наши самые смелые ожидания. Перед собравшимися выступил Владимир Фарбер, ответил на вопросы об обучении. Еще до начала занятий мы решили, что курсы будут платными. Прежде всего мы должны были передавать деньги клубу "Ударник". Сумма 5 рублей в месяц не была чем-то невозможным для учеников.

Выше я уже упомянул о дипломе Владимира Фарбера и его праве на преподавание "чего угодно". Подготовив себе отмазку на случай вмешательства властей, мы столкнулись со следующей проблемой: диплом-то Фарбер имел, но вот иврита он не знал совершенно. Фарбер, авантюризм которого не знал границ, настаивал на том, чтобы мы с Дворкиным натаскивали его перед каждым уроком. Таким образом он преподавал бы "вчерашний урок", то есть шел бы с опережением в один урок. Моше Дворкин и я понимали, что долго так не протянется, начнутся вопросы учеников и все раскроется. В конце концов было найдено решение: Владимир Фарбер проведет пару первых уроков перед аудиторией, затем объявит, что он перекладывает обучение на "своих лучших учеников" в роли которых выступит Моше Дворкин и я. Так все и произошло, без сучка и задоринки. Сам Фарбер присутствовал на всех

занятиях, он был прописан руководителем курсов, при нем был диплом, на случай нежелательных визитеров. Фарбер всегда был в элегантном костюме, при галстуке, с комсомольским значком на лацкане пиджака.

Первый день, с сотней заинтересованных оказался пиком. Уже на втором и последующих уроках остались порядка 40 человек. Мы разделили учеников на 2 группы, в одной преподавал Моше Дворкин, в другой я.

БАКИНСКИЙ КЛУБ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ „УДАРНИК"

РАЙПРОФСОЮЗ
Бакинского отделения
Азерб. железной дороги
г. Баку, 10, Первомайская, 2

„11" IV 198 8 г.

Лицевая карточка № 333

Ф., И.,О. Яак Э

Наименование кружка Иврит

за апрель мес. 198 г.

Педагог Фарбер

Подпись

Баку, тип. среднего ПТУ № 3, зак. № 1142, тир. 2000

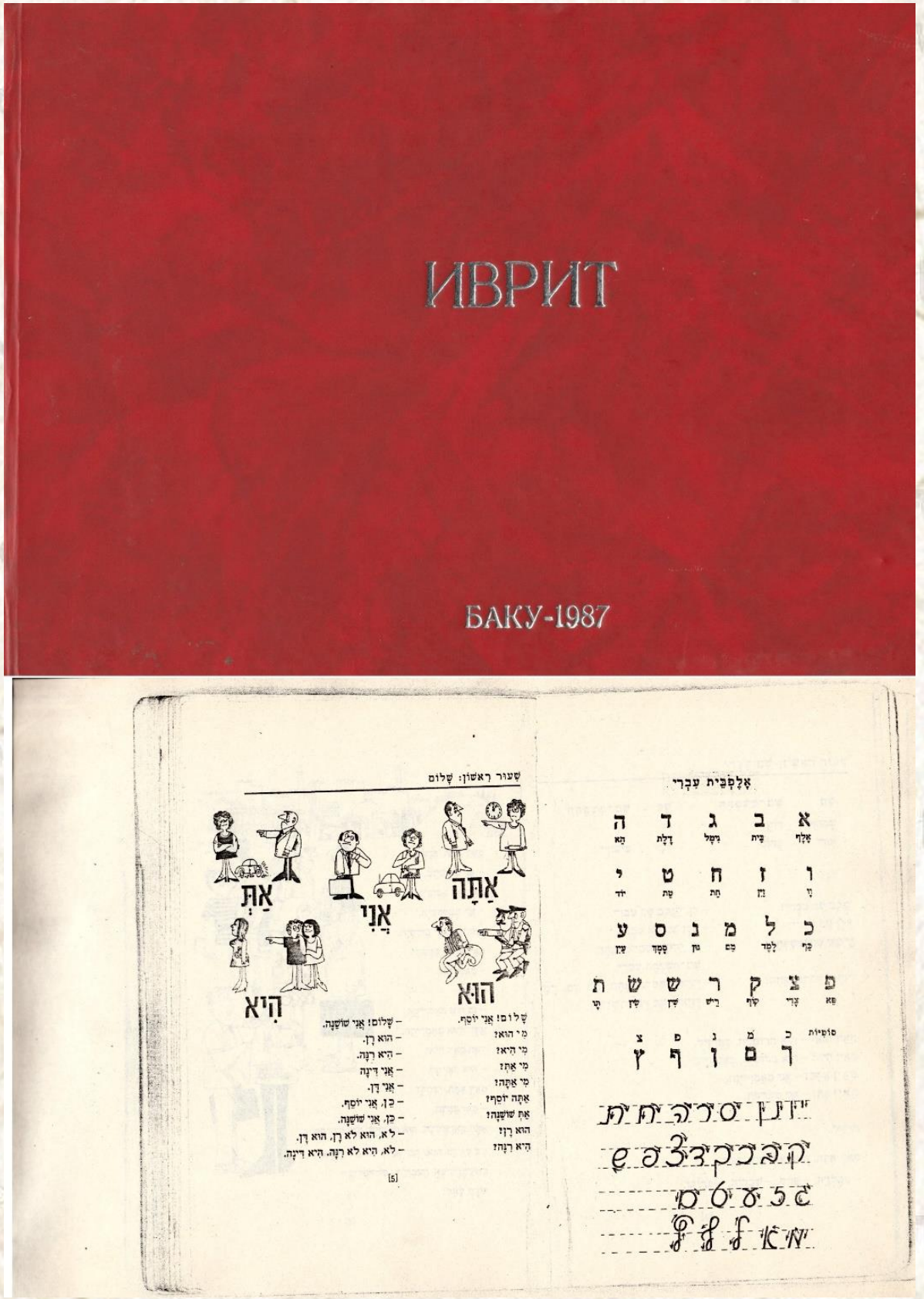
Квитанция об оплате курсов иврита

После нескольких первых уроков, посвященных истории языка иврит, алфавиту, огласовкам и первичному грамматическому очерку остро встал вопрос об учебниках, по которым мы будем преподавать. Советских учебников иврита не существовало, мы же, на своих уроках старались на первом этапе не делать никаких упоминаний об Израиле. Такая подчеркнутая осторожность была вызвана опасениями, что наших учеников это может напугать. Декларированной целью было обучение ивриту, а не подготовка к отъезду в Израиль.

Самым подходящим для преподавания учебником был израильский "Элеф милим". Все другие учебники также были израильскими, и как следствие, все описываемые в них сцены происходили в Израиле. Тогда Фарбер написал письмо в Ленинградский университет, где преподавали иврит (для гебраистов в штатском) с просьбой поделиться учебниками. Ему ответили (!), что своих книг у них нет, и учатся они по израильскому учебнику "Элеф милим"[81].

Ответ из Ленинградского университета должен был послужить нам обоснованием в выборе учебника. Фарбер снова включил свои способности и нашел человека, который за умеренную мзду откссерокопировал нам учебник. Деньги мы уплатили, полученные листы переплели в какой-то мастерской. Чтобы возместить расходы, мы предложили ученикам купить учебники. Сумму я не помню, но совершенно точно, что учебники были проданы по себестоимости.

[81] Меир Сухолуцкий. Свидетельство приводится согласно источнику.

Учебник "Элеф Милим" нелегально размноженный в Баку.

Теперь настало время рассказать о наших учениках, часть из них на фотографиях, а о тех, кто не попал в кадр, я расскажу.

Студенты и преподаватели бакинского ульпана

1) Илья Лейбзон 2) Шахла 3) Алина Низкер (Дворкина) 4) Яков Шнеер 5) Владимир Рысс 6) Борис Аронович Певзнер 7) Арье Фукс 8) Владимир (Зэев) Фарбер 9) Владимир Эталис 10) Давид Ханукашвили 11) Мишиев Вадим 12) Моше Дворкин (преподаватель) 13) Игорь 14) Моше Зильберштейн (преподаватель) 15) Рамбам Баазов

Прежде всего, все ученики пришли учить иврит не потому, что это было нужно, а по зову души. Это предопределило серьезное отношение к занятиям и максимальное прилежание.

На фотографии выше часть учеников: Илья Лейбзон – молодой человек, двоюродный брат Алины Низкер. Достаточно скоро после окончания курса он уехал в Израиль.

Шахла (Халилова?) – самая загадочная ученица нашего курса. Что могло привлечь девушку-азербайджанку учить иврит, не понимал никто. Разумеется, то, что Шахла была азербайджанкой, в наших глазах никак могло быть препятствием для записи на курс. Шахла очень старательно

постигала еврейскую грамоту, была серьезной, милой и, может даже не в меру, скромной девушкой. Она оставила самые добрые воспоминания у всех нас. Из курьезных деталей отмечу, что часть учеников склонны были видеть в ней шпионку КГБ, засланную на курс. Ученики поделились своими сомнениями с нами, преподавателями, но мы с Моше Дворкиным предложили им оставить подозрения в стороне и не обижать Шахлу недоверием. Мы с Моше вообще никак не верили, что она может стучать в КГБ. Моше Дворкин очень резонно заявил, что для роли стукача уместней всего было бы найти еврея.

Шахла привела на курс свою подругу, русскую девушку по имени Наташа. Наташа оказалась красавицей, и кроме того, освобожденным секретарём ВЛКСМ[82] на каком-то заводе. Зачем ей нужен был иврит, мы не знали. Ситуация была столь комичной, что Наташу, почему-то, никто даже не подозревал в работе на КГБ. Наташа училась весьма небрежно, но мы с Дворкиным смотрели на это снисходительно.

Алина Низкер училась на курсе со своим братом Мариком. Алина (Лина) по специальности была врачом, ученицей она была талантливой, очень легко схватывала языки. Мы быстро подружились с ней и Мариком, это прекрасные люди, компанейские, душевные. Дружба эта продолжилась и в Израиле. К сожалению, судьба оказалась жестокой к Марику. Он погиб в автокатастрофе в Израиле, это был ужасный удар по Лине, по ее бедным и милейшим родителям, и шоком для всех нас.

Яков Иосифович Шнеер был старше нас на поколение. Он знал идиш и на следующий год преподавал его в ульпане при клубе "Алеф". В настоящее время проживает в Израиле.

Владимир Рысс, хороший и веселый парень. На курсе познакомился с Аней, дочкой Бориса Ароновича Певзнера, милой девушкой. Они поженились, в настоящее время проживают в Израиле.

Борис Аронович Певзнер, отец Ани, был наверно самым старшим учеником в группе. Это "старшинство" он разделял с другим учеником, Михаилом Кемахом. Борис Аронович представлял старшее поколение, из

---

[82] Лицо, занятое на производстве только общественной (партийной, профсоюзной и т. п.) работой и получающее за это зарплату.

тех, что знали идиш. Кроме того, Борис Аронович еще знал и иврит, был знатоком еврейских традиций, праздников. Он был очень начитанным, а главное милейшим, дружелюбным и приветливым человеком. Думаю, что на курс он пришел не столько для изучения иврита, сколько за тем, чтобы вспомнить его, и еще, за атмосферой еврейской компании. Общение с ним было подлинной наградой и удовольствием для всех нас.

Михаил Сапожников[83], очень способный и любознательный ученик. На следующий, 1989 г. он уже преподавал иврит и был еврейским активистом клуба "Алеф".

Михаил Кемах, дядя Миша. С его сыном дружил преподаватель иврита Лев Фукс. Мой брат р. Цви случайно познакомился с д. Мишей в метро и свел его с нами. Все мы называли его дядя Миша и несмотря на то, что его сын Владимир был нам ровесником, сблизились мы все именно с д. Мишей. Михаил Кемах родился в Польше. В довоенные годы, подростком, посещал еврейскую школу, учил в ней, среди прочих предметов, около семи лет иврит. Причем два последних года учебы, в сефардском произношении[84]. С началом войны второй мировой войны д. Миша оказался на территории СССР, где и остался. Как-то попал в Баку. Кажется, в Баку он женился на Хане Петербуржской. Д. Миша очень хорошо владел ивритом, т.е. умел читать и понимал все. Разговорной практики у него не было. Кроме иврита д. Миша великолепно владел идишем, точней, это был его родной язык. Редкая, среди ашкеназских евреев, ивритская фамилия "Кемах"[85] была оригинальной.

Д. Миша оказался большим любителей еврейской музыки и обладал совершенно невероятной коллекцией еврейских песен, канторского пения. Он собирал и израильскую музыку на иврите, и идишских исполнителей. Любая новая пластинка с еврейской музыкой приносилась нами д. Мише, и он переписывал ее себе. Тексты песен он знал и понимал. На сам курс иврита д. Миша приходил не регулярно, но он и так прекрасно владел языком. Думаю, что, как и Борису Ароновичу Певзнеру, ему просто приятно было приходить в еврейскую компанию.

---

[83] Михаил Сапожников скоропостижно скончался в мае 2023 г.

[84] Принятое в Израиле сефардийское (сефардское) произношение.

[85] Кемах (**קמח**) – мука (ивр.)

1) Лев Фукс 2)Борис Аронович Певзнер 3) Алина Низкер (Дворкина) 4) Михаил Кемах 5) Моше Зильберштейн 6) Владимир (Зеэв) Фарбер

К сожалению, я уже не помню имена и фамилии всех учеников, только этим, а не небрежностью или неуважением к ним, вызвано их не упоминание. Помню учеников Юрия Гершфельда, настоящего красавца, высокого парня. Помню молодую женщину со странным (для нас на тот момент) именем Мазаито. Мы полагали, что это горское произношение имени Мазальтов. Еще помню очень славных парней Мишиева, грузинского еврея Дато Ханукашвили, Геру Жуковского.

Реакция властей на курсы иврита.

Несмотря на то, что в наших регулярных сообщениях на запад, в Израиль и США мы очень старательно подчеркивали "легальность и официальность" курсов иврита, в действительности они не были

таковыми. Широкое освещение в прессе вне Советского Союза "первых легальных" курсов иврита в СССР видимо совпало с политикой перестройки М. С. Горбачева. Именно на это мы и полагались, когда всюду подчеркивали "легальность" и "официальность" преподавания иврита в Баку. Объявление в советской газете, предоставление клуба для группы учащихся, все это выглядело немыслимым без согласия властей. И после всего этого любая попытка властей прикрыть курсы выглядела бы противозаконной.

В действительности власти и КГБ просто проморгали открытие курсов. Наверно причиной тому была и непонятная всем "перестройка", и зарождавшийся уже кризис в отношениях с Арменией из-за Карабаха. Скорей всего власти плохо понимали, что нельзя, и что уже можно. Первой, на моей памяти, реакцией властей стал выговор ответственному в газете "Вышка" за публикацию объявления о курсах "еврейского языка". Не помню ни фамилии этого человека, ни его должности. Работал ли он в отделе объявлений или же занимал более высокий пост в газете? Его объявили крайним, и он схлопотал выговор. Почему-то мне помнится, что сам он был евреем. Каким-то образом я нашел способ передать пострадавшему сообщение: желает ли он, чтобы мы подняли скандал вокруг его имени в западной прессе? Однако никакого ответа не последовало. О другом инциденте я узнал спустя много лет, уже в Израиле.

Бедная директриса клуба Наиля Алиева получила нагоняй за свое согласие предоставить помещение для курсов иврита. В 2006 г., 15-го февраля, на сайте baku.ru было несколько постов-воспоминаний о курсах иврита 1987 г. Было, в частности и такое полу анонимное сообщение. Текст приведен согласно источнику. Неточности я выделю после цитаты:

Курсы иврита в "Ударнике"! Незабываемая страница в моей трудовой биографии. Мне было 27 лет, я работал в Республиканском комитете профсоюзов Азербайджанской железной дороги.

Клубы переводили на самоокупаемость, и Наиля Алиева - директор клуба, ***предложила открыть курсы иврита****, ну курсы*

так курсы - педагог есть? Есть! Желающие есть? Есть! Какие проблемы, открывай! Если бы мы знали тогда чем это всё обернётся. Это сейчас вспоминаешь со смехом, прошло почти 20 лет, а тогда ой было не до смеха. Так вот прибегает как-то секретарша:

- Ты что наделал, председатель рвёт и мечет, срочно к нему.

Захожу, сидит злой, бледный.

- Что за курсы? Какой иврит? Почему я ничего не знаю?

- Обыкновенные курсы, кружок иностранного языка.

- Какой кружок??!! Мне здесь звонят из КГБ, из РККП Насиминского р-на, АСПС, мол что вы за центр по подготовке для отъезжающих евреев открыли? А ты мне кружок!!! Вот нас теперь в кружок и поставят!

Ну и пошло-поехало: ***курсы, под предлогом срочного ремонта клуба, закрыли, Наилю ушли****, я тогда был кандидатом в члены КПСС, на парт комиссии запороли, и потом тоже тихо предложили перейти на другую работу. Уже потом появились и общества, и курсы и т.д., а тогда, в 86-87 гг. всё только начиналось. Сегодня по истечению 20 лет - думаю, что всё было к лучшему и для Наили и для меня.*

Отмечу неточности: директриса Наиля Алиева не предлагала открыть курсы, а согласилась предоставить помещение клуба для ведения курсов. Ремонт, под предлогом которого курсы приостановили, действительно имел место, но курсы продолжились, об этом я расскажу чуть ниже, как и о причине, которая помешала закрыть курсы. Наилю Алиеву, по крайней мере до конца курсов, летом 1988 г. не уволили, она оставалась директрисой. Не знаю, как сложилась ее дальнейшая судьба, через пару лет развалился СССР и в новообразованной Азербайджанской республике вряд ли кто-то вменил в вину Наиле Алиевой курсы иврита. В любом случае, она благородная и мужественная женщина, не испугалась ничего.

Баку в 1988 г. – שנת תשמ"ח [86]

Конец 1987 г. и весь 1988 г. выдались наглядной иллюстрацией к развалу СССР. Еще в конце 1987 г. по Баку поползли слухи о напряженности в Нагорном Карабахе. Поскольку советская власть, по обыкновению, предпочитала скрывать все, то слухи произрастали и множились, обрастали подробностями, проверить которые не мог никто. Слухам почти все, вне зависимо от национальности, верили. Вопреки достаточно популярной точке зрения о том, что в Баку азербайджанцы и армяне жили мирно, я считаю, что эти народы, в целом, ненавидели друг друга. И если все мирно здоровались и тихо, по-соседски, жили рядом, это не отменяло эту неприязнь. Как представителю нейтральной национальности мне не раз приходилось слушать откровения тех и других в отношении друг к другу. И как только советская власть зашаталась, эта ненависть выплеснулась в самой ужасной форме. В феврале 1988 г. случился сумгаитский антиармянский погром.

Эта работы о еврейской общине Баку, в ней никак не будут разбираться азербайджано-армянские отношения, ни причины, ни последствия. И личное отношение останется вне этих страниц. События упомянуты потому, что евреи Баку, как и представители всех национальностей этого города, жили не на облаке, а волей-неволей были вовлечены во все происходящее в городе. Задним числом, читая воспоминания Владимира Вейншала и его сына Якова, нельзя не отметить, что все повторилось. Они пережили азербайджано-армянские погромы 1905 и 1918 гг., мы 1988-1989-1990 гг.

Несмотря на изменившуюся обстановку в городе, совершенно непривычную для всех нас, занятия в ульпане иврита продолжались. КГБ проснулся и начались мелкие пакости. Одно занятие было сорвано – в клубе "не было света". Может это было чем-то не связанным с происками КГБ, но в то время мы не верили

---

[86] Года еврейского календаря передаются буквами, каждая из которых имеет и числовое значение. Буквы 1988 г. (еврейского 5748 г.) читаются на иврите Тисмах – **תשמ"ח** - Возрадуешься.

ни в какие случайности. Владимир Фарбер дал срочные телеграммы в США, Израиль и разным известным московским сионистам. И на следующий урок свет уже был. Спустя некоторое время директриса клуба Наиля Алиева сообщила Фарберу о планируемом ремонте. Никто не сомневался, что это не ее инициатива, сразу был задействован проверенный способ с телеграммами и ремонт отложили.

Клуб железнодорожников "Ударник", в котором преподавался иврит в 1987-1988 гг.

Трудно сказать, что двигало КГБ, но последние их действия против нас выглядели комичными и даже ребяческими. Так, в дни сумгаитского погрома Сухолуцкий, Фарбер и я получили по почте анонимные письма. Письма были подписаны инициалами нашего товарища, покончившего жизнь самоубийством в 1986 г., из-за давления КГБ. В конверт была вложена то ли газетная фотография повешенного человека, то ли просто нарисованная примитивная

перекладина с веревкой на шее у человечка. Несмотря на то, что абсолютно никто не принял этот идиотизм КГБ всерьез, мы все же сообщили о случившемся в Москву и на "Запад" исключительно для того, чтобы не спустить это с рук комитету. Нами предполагалось, что чем больше бакинский еврейский отдел КГБ будет получать "по башке" из Москвы, тем меньше у него будет желания проявлять активность в отношении нас.

Занятия продолжались в очень хорошем темпе. На каждое занятие Владимир Фарбер приносил плакат с еврейским алфавитом, вешал его на стену. По окончании занятия плакат свертывался и забирался до следующего урока.

Курсы иврита: слева направо Владимир Фарбер, Моше Зильберштейн, Владимир Эталис, р. Цви Зильберштейн, сидит Рамбам Баазов. Баку 1988 г.

Всегда, над классной доской мы ставили портрет Ленина, обнаруженный в классе с первого дня. Это выглядело очень комично, как и комсомольский значок на лацкане пиджака Фарбера.

Как мы и хотели, занятия очень скоро дополнились лекциями о еврейских традициях, слайдами с видами Израиля и лекциями о нем. Мы все, ученики и учителя, стали устраивать застолье по еврейским праздникам. Более того, с некоторого момента мы стали приводить на занятие тех иностранцев, которые оказывались с визитом в Баку. Мы демонстрировали им наш класс, предварительно предупредив, чтобы они не разговаривали с учениками на любом ином языке кроме иврита. Ученикам же мы предлагали общаться на иврите вживую. Это имело большой успех у обеих сторон. Мало того, иностранцы были представлены директрисе Наиле Алиевой, они сказали ей, что собираются писать статью об ульпане и, разумеется, упомянут и ее. Они презентовали ей какой-то маленький подарочек. Надо отдать должное ее смелости, она не испугалась никак и не возражала против их присутствия. При этом, мы старательно не обсуждали всего, что касалось советской власти, СССР, коммунизма. Все это просто не интересовало нас никак и нам хотелось передать это и нашим ученикам.

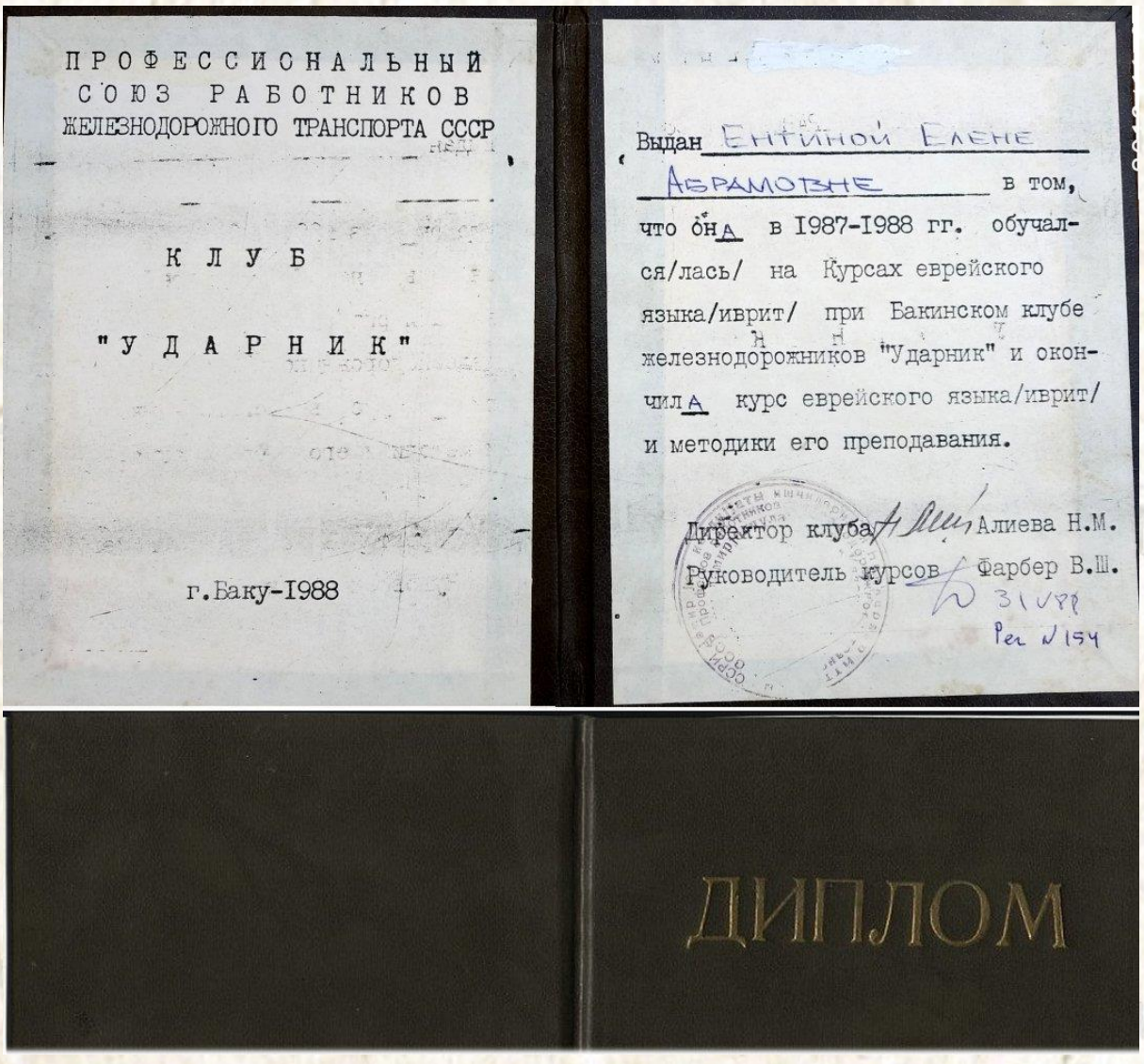
Для того, чтобы разнообразить уроки и поощрить изучение не слишком популярной грамматики, мы с Моше Дворкиным устраивали маленькие представления: готовились вопросы/викторины и ученики, давшие правильные ответы, получали в подарок какую-нибудь израильскую безделушку, брелок, магендавид, брошюрку на иврите. Этого добра у нас скопилось в таком количестве, что мы с наслаждением расставались с ним.

К маю 1988 г. мы закончили преподавание курса иврита по первой книге "Элеф Милим". Уже не помню, у кого родилась идея дать всем ученикам удостоверения/дипломы об окончании курсов иврита.

Эти дипломы были исключительно важны для нас, поскольку давали возможность задействовать новых учителей. Кстати, среди прочих дипломы получили Моше Зильберштейн и Моше Дворкин, которые формально оставались учениками и

даже платили за эти курсы. В дипломах были вкладыши на иврите. Их я сделал на персональной ЭВМ (ЕС 1840), которая только появилась в Институте автоматизации городского хозяйства, где я к тому времени работал, и которая потрясла меня разнообразными фонтами[87].

Владимир Фарбер позаботился частным образом отпечатать "корочки" в какой-то типографии, внутренние листы были напечатаны и вклеены в корочки. На корочках золотыми буквами было оттиснуто "Диплом", это же было написано и внутри.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
СОЮЗ РАБОТНИКОВ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА СССР

К Л У Б

"У Д А Р Н И К"

г.Баку-1988

Выдан Ентиной Елене
Абрамовне в том,
что онА в 1987-1988 гг. обучал-
ся/лась/ на Курсах еврейского
языка/иврит/ при Бакинском клубе
железнодорожников "Ударник" и окон-
чилА курс еврейского языка/иврит/
и методики его преподавания.

Директор клуба Алиева Н.М.
Руководитель курсов Фарбер В.Ш.
31 VIII
Per N 154

ДИПЛОМ

Свидетельство об окончании курса иврита. Баку 1988 г.

[87] Меир Сухолуцкий. Свидетельство приводится согласно источнику.

Когда наша бравая директриса Наиля Алиева увидела слово "Диплом", она справедливо заметила, что диплом выдает только соответствующее учреждение, у нее же нет права на выдачу дипломов. Фарбер немедленно замазал типексом "внутренний диплом". Наиля подписала пачку удостоверений, поставила печать и был прописан регистрационный номер. На обложку она не обратила внимания и золотое тиснение "Диплом" так и осталось на веки вечные.

Все ученики получили удостоверения, кроме них мы "выдали" дипломы нескольким тбилисцам и москвичам, которые ни одного дня не посещали курсы, и вообще не были в это время в Баку. Но они были преподавателями иврита и им не помешало бы удостоверение, выданное легально.

תעודה 2

התעודה הזאת מאשרת

שמר משה זילברשטיין

סיים את הלימודים באולפן של שפה העברית

בבית־התרבות "אודארניק", באקו, בשנת תשס״ח

ראש האולפן זאב פרבר

ט״ו לחודש סיון תשס״ח 31.05.1988

Вкладыш на иврите, напечатанный Е. Сухолуцким. Баку 1988 г.

Окончание курсов было отмечено широким застольем. Наша ученица Шахла и ее братья организовали невероятный по размаху, пир, с шашлыками, напитками и всем, чего могла пожелать душа.

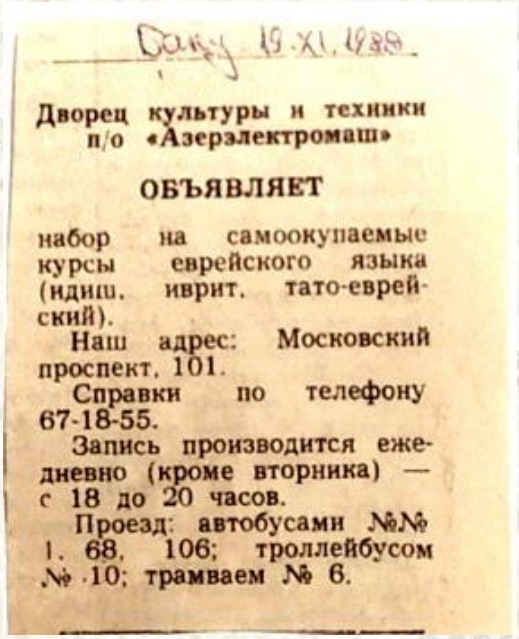
В течении двух месяцев после окончания курсов Владимир Фарбер, и я репатриировались в Израиль. Здесь уместно привести чрезвычайно интересные и информативные записи Евгения (Меира) Сухолуцкого о событиях в Баку, которым он был свидетелем и участником.

Еврейский клуб "Алеф" 1988 – 1990

Евгений (Меир) Сухолуцкий.

Директриса клуба "Ударник" во второй раз впускать нас не собиралась. Остались сдружившиеся студенты курсов, желание продолжить и идея. Начали искать что-то новое. Параллельно возникла идея создать какое-то общество. Вначале хождение по инстанциям взял на себя Дато Ханукашвили, выпускник первых курсов. Но ничего особо удачного у него не вышло. Кто занимался поиском места для курсов – не помню, может быть, он же. В итоге нашли какой-то ДК "Азерэлектромаш" на Монтино.

В ноябре 1988 г. была первая вспышка в Баку. Толпы на площади, забастовки, попытки погромов. 24 ноября 1988 г. в Баку вводится особое положение и комендантский час с 10 вечера до 5 утра. На улицы выводятся танки, бронетранспортёры, войска. И вот в этой обстановке объявление в газете о наборе на курсы еврейских языков. Объявили для маскировки иврит, идиш и татский. 27 ноября производится запись. Но пришли, естественно, только на иврит. Народу набралось на 4 группы, и это в условиях комендантского часа, через пару дней после стрельбы на улицах, имея перед зданием ДК танк. В отличие от первых курсов, записывались семьями. Группы вели Моше Дворкин, Лев Фукс, Владимир Рысс и Михаил Сапожников.

Баку 19.XI.1988.

Дворец культуры и техники п/о «Азерэлектромаш»

ОБЪЯВЛЯЕТ

набор на самоокупаемые курсы еврейского языка (идиш, иврит, тато-еврейский).

Наш адрес: Московский проспект, 101.

Справки по телефону 67-18-55.

Запись производится ежедневно (кроме вторника) — с 18 до 20 часов.

Проезд: автобусами №№ 1, 68, 106; троллейбусом № 10; трамваем № 6.

Объявление о курсах еврейских языков 11.1988 г.

Скажу сразу, я к этим курсам имел минимальное отношение. Я тогда занялся обществом. Примерно в этот период было разрешено создавать всякие общества. В Баку родилось Общество Азербайджанской Культуры. Я взял его устав, напечатанный в газете, чуть-чуть переработал, заменил везде слово "азербайджанский" на слово "еврейский", и написал устав Бакинского Общества Еврейской Культуры "Алеф". Потом было собрание у кого-то на квартире, в котором участвовало человек двадцать. Из тех, кого помню, были Моше Дворкин, Лев Фукс, Владимир Рысс, Михаил Сапожников, Яков Иосифович Шнеер, Борис Аронович Певзнер, Лина и Марк Низкеры, Дато Ханукашвили, Марк Мишне. В основном это были участники первого ульпана, но были и примкнувшие позже, в том числе Пиня Абович Калика, коммунист, ветеран войны, фанатичный поклонник Януша Корчака (аккурат в разгар ноябрьских волнений он читал в Республиканской библиотеке лекцию о Корчаке, на которую пришло пара десятков человек). Выявились две позиции. Сторонники первой полагали, что теперь нужно просить у властей разрешения создать еврейское общество. Собственно, этим занимались уже несколько месяцев сначала вышеназванный Дато, а потом Калика и я. Результат был очевиден. Тем не менее, П. А. Калика упорно отстаивал этот подход.

Вторая позиция предполагала провозглашение общества группой энтузиастов, принятие устава, а потом требование к властям это общество утвердить в соответствии с законом. В силу экстремистской натуры я озвучивал вторую позицию. Помнится, меня удивило и порадовало, что Борис Аронович Певзнер, человек пожилой, которому вроде как положено было быть осторожным, был одним из ярых сторонников этой позиции. Спорили страшно, потом поняли, что никто никого не переубедит и единой позиции выработать невозможно. Поэтому мы решили общество провозглашать. П. А. Калика озлился страшно, учинил большой скандал, и в дальнейшем никаких дел с нами не имел, о чем мы искренне сожалели, поскольку человек он был порядочный и энергичный.

Короче, объявили мы о создании общества, приняли устав, подписали письмо в Баксовет, и начались мои хождения по инстанциям. Надо сказать, что в целом отношение было доброжелательное, и мешала, конечно, обычная бюрократия и нежелание чиновников брать ответственность за такое решение на себя.

Параллельно имели место более общие процессы. Еще при Зильберштейне, т.е. в первой половине 1988 г., в Москве был создан Союз Учителей Иврита (Игуд ha-Морим), во главе со Львом Городецким, вполне радикальная организация. По-моему, еще и Зильберштейн в нее вступил. А в начале 1989 г. пошли разговоры о созыве всесоюзной конференции еврейских организаций. Она была созвана в Риге в мае 1989 г., а буквально накануне ее созыва, после полугода хождений, наше общество было утверждено. Потребовались некоторые изменения в уставе и в статусе. В частности, оно было создано не как Бакинское Общество Еврейской Культуры, а как Общество любителей еврейской культуры при ДК им. Шаумяна (чем провинился бедный Шаумян, понятия не имею). Но везде и всегда оно фигурировало как Бакинский еврейский клуб "Алеф". Он был одним из первых в СССР еврейских обществ с официальным статусом.

С этим успехом мы поехали в Ригу. Мы это Марк Мишне, за некоторое время до этого примкнувший к нам и ставший секретарем клуба, и я, ставший председателем. В Риге собралась тьма народу,

представители еврейских обществ разной степени легальности и агрессивности (я из-за извечного экстремизма сразу примкнул к радикалам). Действо продолжалось 3 дня и поражало воображение. Поражал и общий фон – Рига со знаменами "Саюдиса"[88], газеты "Саюдиса", читая которые, я ощущал, что меня прямо с ними и арестуют, и вообще обстановка конца советской власти. На конференции моментально выявились все проблемы и разногласия, которые и в дальнейшем сопровождали еврейское движение. Радикалы требовали все силы направить на подготовку людей к выезду в Израиль, а "лоялисты" хотели налаживать культуру на местах и даже пробиваться в Советы. Конференция закончилась созданием Оргкомитета для созыва Съезда и создания Всесоюзной организации. Мы с Мишне в этот оргкомитет вместе и вошли – я от Клуба "Алеф", а он, насколько я помню, от очень своевременно учреждённого нами Бейтара.

С этим мы вернулись домой, где начались новые хождения. Во-первых, мы получили пока лишь разрешение на утверждение устава. Во-вторых, надо было выбивать помещения. Этим мы и занялись. После просмотра нескольких совершенно уж диких вариантов, мы получили две комнаты на ул. Петра Монтина 127.

Комнаты были совершенно разрушены, они были не вместе, а с двух сторон от входа, но тем не менее, это было законное помещение в самом центре Баку. Сделали там ремонт, вплоть до перестилания пола. В одной комнате у нас было правление, а в другой – класс, для которого достали парты. Должен признаться, что ни к доставанию досок для пола, ни к доставанию парт я отношения не имел. Это сделали люди более практичные.

Счастье было полное. На тот момент не так уж много было по Союзу официально признанных еврейских организаций, да еще и со своим помещением. Ещё одним незапланированным преимуществом этого помещения было то, что оно находилось за углом от ОВИРа. Мы, так сказать, держали руку на пульсе.

---

[88] Саюдис (лит. Sąjūdis, "Движение") — общественно-политическая организация Литвы, возглавившая в 1988—1990 гг. процесс выхода (отделения) Литовской ССР из состава СССР.

Здесь в 1988-90 гг. располагался еврейский клуб “Алеф" (Фото 2017 г.)

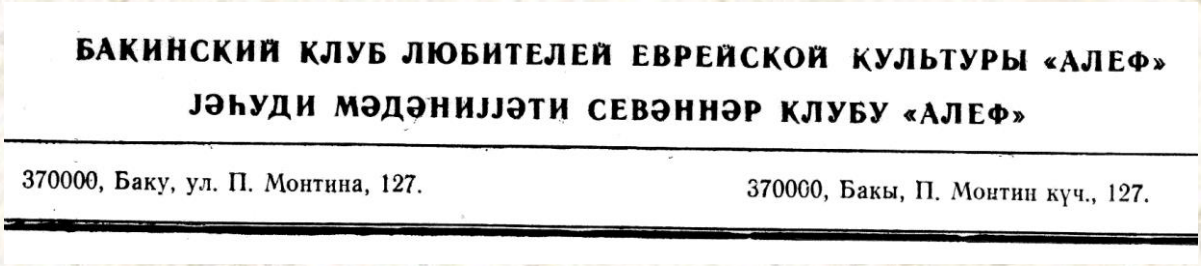

Активисты клуба Алеф. Баку - 1990 г.

И тут вышел прокол. В нашей компании был Дмитрий Корш, журналист Азеринформа (сейчас он в Израиле, опять же журналист и

ведущий русского телеканала). Он возьми, да и опубликуй в газете "Бакинский рабочий" малюсенькую заметку на последней странице об открытии Бакинского Общества Еврейской Культуры. Мы порадовались, а через несколько дней на первой странице последовало опровержение, что де была допущена грубая ошибка и искажение информации, что на самом деле было открыто Общество любителей еврейской культуры при ДК им. Шаумяна, и что виновный понес заслуженное наказание (выговор). Опровержение по объему превосходило исходный текст раза в три. Мы спросили Корша, готов ли он к скандалу, и по его согласии мы этот скандал начали. Мы объявили действия Азеринформа антисемитскими и требовали снятия выговора. Скандал приобрел очень затяжной характер и по ходу дела я побывал в разных инстанциях, вплоть до какого-то секретаря ЦК компартии Азербайджана. По ходу дела всплыл вопрос: "А какое отношение вы имеете к антисемитизму?". Я ответил, что, во-первых, мы общество еврейское и это нас касается непосредственно, во-вторых, мы общество любителей культуры, а антисемитизм — это некультурно, а в-третьих, борьба с антисемитизмом записана у нас в уставе, уже утвержденном Баксоветом. Тут они всполошились, поскольку этот пункт просмотрели. Стали требовать его убрать. Мы уперлись. Нам отказывались завершить регистрацию. Оно вроде как нам особо не мешало, курсы и клуб работали, но дело в том, что без завершения регистрации мы не могли заказать печать, без печати мы не имели права вести финансовые дела, а поскольку мы эти дела вели, то становились совершенно реальными кандидатами на посадку. Постепенно, со стоном и скрипом мы пробивались. Остался последний этап – получить у директора ДК Шаумяна печать на устав для окончательного его утверждения. И он наотрез отказался это делать, пока мы не снимем пункт об антисемитизме. И тогда я выдал ему речь такого примерно вида: "Брат, послушай, мы не виноваты, что нас приписали к тебе. Мы хотели быть сами. Но мы старались тебя не обижать, не требовали у тебя ни помещения, ни денег, вообще не мешали тебе. Я знаю, что ты против нас ничего не имеешь, и что они к тебе позвонили и сказали не ставить печать. Но ведь тебе позвонили, но не дали письменного указания, так что никакой бумаги у тебя нет. Я

сейчас подниму международный скандал по поводу отказа в регистрации. Станут выяснять и крайним сделают тебя. Ты ничего не докажешь, поскольку доказательств у тебя нет. Они отрекутся, ведь они-то сами все подписали. Поэтому вставят по полной программе именно тебе. Тебе это надо?". Он с минуту подумал, потом сказал: "Давай устав" и поставил печати.

БАКИНСКИЙ КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ «АЛЕФ»
ЈӘҺУДИ МӘДӘНИЈЈӘТИ СЕВӘННӘР КЛУБУ «АЛЕФ»
370000, Баку, ул. П. Монтина, 127.
370000, Бакы, П. Монтин күч., 127.

Лого официального бланка клуба Алеф.

С этого момента мы стали совершенно легальными. Заказали печати, бланки, открыли банковский счёт и наняли бухгалтера. Число желающих учить иврит возрастало, и мы никак не управлялись с нашим единственным классом. Обратились в близлежащую школу и арендовали на вечер несколько классов. Преподавать мобилизовали всех, кого смогли. Преподавали уже выпускники не только первых, но и вторых курсов. Это был Моше Дворкин, Владимир Рысс, Михаил Сапожников, Яков Шнеер, Лев Фукс, позднее подключилась Динора Фукс, Рафи Касимов – уверен, что кого-то я забыл упомянуть.

В декабре 1989 г. в Москве состоялся Первый съезд еврейских обществ и организаций СССР. Мы с Марком Мишне участвовали в нём как члены организационного комитета, а делегатом от Клуба поехал Михаил Сапожников, который, кажется, стал уже секретарём клуба. Первый день съезда пришёлся на день похорон академика Сахарова, и они всем составом отправились на похороны. Мы в этом не участвовали, поскольку самолёт вместо Москвы сел в Ленинграде. Объяснили это нелётной погодой, хотя мы предполагали, что это из-за похорон.

Как и конференция, Съезд разделился на культурно-просветительское направление, полагающее первоочередным развитие еврейской жизни на местах, школы, газеты, спектакли и т.п., и

сионистское, считающее, что основной должна быть подготовка к отъезду – курсы иврита, информация об Израиле, о трудоустройстве и т.д. Надо сказать, что руководство Съезда во главе с Микой Членовым[89] отстаивало первое направление, и большинство достаточно охотно пошло за ними. Тогда меня это невероятно удивляло, и лишь много лет спустя я понял, что многие никуда уезжать не собирались и готовили себе места главных городских (или республиканских) евреев. Не могу сказать, какая часть из них воспользовалась этим, а какая всё-таки уехала. Впрочем, воспользовавшихся знаю, люди неплохо устроились. Что же, каждому своё. Да и оставшиеся там евреи имеют право жить, как хотят. Но я думаю, что если бы наша позиция возобладала, то сотням тысяч, приехавшим в Израиль в девяностых, было бы хоть немного легче. По крайней мере, Клуб "Алеф" работал именно на алию, всё остальное было побочным.

Результатом съезда было создание Ваада – Ассоциации еврейских организаций и общин СССР. Я вошёл в правление в качестве представителя Азербайджана, так что оставшиеся месяцы регулярно ездил в Москву на заседания. Впрочем, я не уверен, что это имело какое-то историческое значение.

Запомнился мне забавный эпизод. Был там некто Леонид Стонов, тоже из руководителей Ваада, отказник и диссидент. Он сказал мне, что американский посол заинтересован встретиться со мной, чтобы получить информацию о происходящем в Баку, поэтому я приглашён на завтрашний приём. Мы со Стоновым встретимся перед посольством, и он меня проведёт. Это было лестно, да и интересно, поэтому в назначенное время я был у посольства. Там не было не только Стонова, но и вообще никого, никаких признаков проходящего приёма. На следующий день во время заседания правления Стонов заявил: "Ну до чего Сухолуцкий крут – проигнорировал приглашение американского посла!". Я сказал, что совсем даже не крут, простоял там битый час и

[89] Михаил (Мика) Анатольевич Членов (род. 1940 г.) - советский и российский этнограф, востоковед и общественный деятель. Кандидат исторических наук, профессор, декан филологического факультета (иудаики и гебраистики) Государственной классической еврейской академии имени Маймонида в Москве; заместитель директора Центра иудаики и еврейской цивилизации при Институте стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова. Член Президиума Всемирной сионистской организации, член Совета директоров еврейского агентства "Сохнут", генеральный секретарь Евроазиатского Еврейского конгресса.

никого не увидел. Тут и выяснилось, что стоял я у старого здания американского посольства, которое все знали, а приём проходил в новом, о котором я понятия не имел. Не часто я ощущал себя так глупо, да и интересную возможность упустил. Было обидно.

Вскоре произошли события, которые позднее получили название Чёрный Январь. Мы давно уже привыкли к демонстрациям, периодическим забастовкам, комендантскому часу, всё это воспринималось как постоянный фон, к которому вполне приспособились. Уезжал Лев Фукс, один из первых наших преподавателей. Число я не помню, но Википедия уверяет, что дело было 13 января (мне казалось, что это было 16-го или 17-го). Жил Фукс за Домом Правительства, и мы приехали к нему на прощальные посиделки. Нас удивила тишина и пустая площадь, с которой исчез постоянно действовавший митинг, а также невероятная грязь на улице. Но мы как-то не придали этому значения, и пошли к Фуксу. Насколько я помню, когда мы вышли, автобусы уже не ходили и вернулись мы на такси. И только потом мы узнали, что в этот день толпа с площади двинулась на армянские погромы. Совершенно непонятно, как мы разминулись по дороге. Погромы продолжались несколько дней при полном бездействии властей и бакинского гарнизона.

Город перешёл в руки Народного Фронта, который не был един – радикальное крыло руководило погромами (или, по крайней мере, поощряло их), а умеренное спасало армян и организовало их вывоз на пароме в Красноводск. На работу никто не ходил. Не помню, была ли объявлена всеобщая забастовка или нет, но в любом случае, идти на работу в этой ситуации было бы безумием. Да и транспорт не работал. Но надо отдать Народному Фронту должное – они сумели обеспечить, что все эти дни в городе были хлеб, электричество и вода, работали телефоны. Я говорю о НФ, поскольку другой власти в городе не было. Постепенно погромы закончились по естественной причине – в городе не осталось армян. Теперь НФ смог переключить толпу на другого врага – на советскую власть. Толпа пошла к зданию ЦК компартии Азербайджана и осадила его. На площади перед ЦК

демонстративно воздвигли виселицу. Вот тут советская власть заволновалась и в ночь на 20 января в Баку были введены войска. Телевидение не работало, о вводе войск мы узнали из телефонных звонков. Звонили знакомые, мимо чьих домов проходили танковые колонны. Войск мы не видели, но стрельба была слышна. Что происходило той ночью, я толком не знаю, думаю, что не знает никто, кроме тех, кто был на улицах. Если и были какие-то попытки препятствовать вводу войск, серьёзного сопротивления оказано не было. Ходили слухи о каких-то перестрелках, но насколько это было серьёзно и сколько оружия было у НФ, не знаю. Как выяснилось потом, войска входили, давя все попадающиеся на дороге машины и расстреливая всех людей, оказавшихся на улице. На следующий день никто не выходил на улицу, поскольку время от времени была слышна стрельба. Вечером ко мне позвонил приятель и сказал, что ходят слухи, что готовится прилёт израильских самолётов за бакинскими евреями, а списки на эвакуацию составляются в Клубе "Алеф". Поинтересовался, правда ли это. Я сказал, что нет, всего лишь слухи.

21 или 22 января ко мне позвонил адвокат Марк Хайкин, который в тот период часто контактировал с нами. К нему обратилась Люда Бессантина, участница клуба "Алеф". Оказалось, что её 17-тилетняя дочь Вера была убита во время ввода войск в своей квартире – солдаты стреляли по окнам домов. Девочку нужно было хоронить, а в городе не было ни транспорта, ни бензина для него, ни гробов. Хайкин сказал, что надо попытаться помочь, и мы вышли в город. Было откровенно неприятно, город был мёртвый, ни машин, ни людей. Время от времени на параллельных улицах вспыхивала стрельба. Мы зашли в морг, куда были свезены тела погибших. Там, пока Хайкин общался с директором, я неожиданно встретил своего одноклассника, а потом и однокурсника Игоря Ларина, который, оказывается, подрабатывал там фотографом. Игорь размахивал передо мной пачкой фотографий убитых и кричал "Посмотри, что эти сволочи сделали!". Было страшно, смотреть фотографии совершенно не хотелось.

Надо сказать, что толку от меня в доставании немного, обо всём в результате договорился Хайкин. Я выполнял лишь представительские

функции, но оставить Марка не мог. Впрочем, я не помню, удалось ли что-то организовать, или Веру похоронили вместе со всеми на Аллее Шахидов. Всего же среди более 130 погибших было трое евреев. Помимо Веры погиб врач Александр Мархевка. Его машина "Скорой помощи" была расстреляна, когда он пытался вывезти раненых. Я не знал его, но был знаком с его сестрой, было много общих знакомых. Третьим был Ян Меерович, пытавшийся вместе с другом азербайджанцем вывезти в аэропорт соседку-армянку. Их машину тоже расстреляли. С ним я не пересекался никак, имя нашёл в Википедии, но о самом случае знал и тогда.

Мы с Хайкиным шли по улице и встретили знакомого, который сообщил нам, что у синагоги собралась толпа евреев, которые ждут израильских самолётов. Мы удивились и забеспокоились, поспешили к синагоге. Там действительно собралась толпа из нескольких десятков человек. Нам объяснили, что в Баку направляются израильские самолёты, чтобы эвакуировать евреев, а потому представители Клуба "Алеф" составляют списки евреев - кандидатов на вывоз. И тех, кто запишется, сегодня или завтра вывезут. Я, честно говоря, был в шоке. Пришлось выдать речь примерно такого содержания:

"Я президент Клуба "Алеф", ни о каких самолётах ничего не знаю, и никто из клуба никаких списков не составляет. И вообще, господа, в своём ли вы уме? В городе идут бои, о вашем сборище узнают, сюда приедут или боевики Народного Фронта, или армия. В обоих случаях ничего хорошего ждать не приходится. Кроме того, вы тут составляете списки со всеми своими данными, включая домашние адреса, и отдаёте это непонятно кому, и с какой целью".

Молодежь клуба Алеф - 1989-90 гг.

Короче говоря, нам удалось уговорить их разойтись. Интересно, что в толпе я обнаружил приятеля, звонившего накануне вечером. Я поинтересовался, зачем он пришёл, если я ему всё разъяснил по телефону. Смутившись, он сказал, что домашние настояли – а вдруг всё-таки прилетят самолёты. Короче говоря, после этой истории у меня появились сомнения по поводу хвалёного еврейского ума. Любопытно, что, когда в процессе уговоров мы поинтересовались списками, предложив для безопасности их прямо на месте уничтожить, списков не обнаружили. Они пропали, и мы так и не выяснили, кто и с какой целью затеял составление этих списков, и куда они в результате подевались.

Постепенно жизнь стала нормализоваться, хотя реально город жил в состоянии оккупации. Но человек привыкает по всему. Я уволился с работы и перешёл на полную ставку в клуб. Постепенно уезжали наши ветераны, основатели Клуба, опытные преподаватели, бывшие одновременно и членами правления Клуба. Их сменяли новые люди. Из зачинателей остался я один. Честно скажу, это было не из высоких

соображений, но лишь потому, что мы ждали, пока моя жена Вета окончит Мединститут. Как выяснилось позднее, решение было совершенно правильным, поскольку ей не пришлось доучиваться в Израиле, но лишь сдать экзамен (хотя и это "лишь" потребовало массы усилий и нервов).

Наша деятельность расширялась. Нам прислали из Израиля полный набор книг издательства "Библиотека-Алия" - около 150 книг. Отдельные книги этой серии перепадали нам и раньше, они были разные, от очень наивных до действительно качественных, но все они были для нас очень ценными, передавались из рук в руки и воспринимались, как весточка "оттуда". Сейчас для информации поискал в сети и выяснил, что издательство прекратило функционировать в 1996 г. Оно и понятно, изменились реалии, отпала необходимость, но всё равно жалко, ведь это кусочек нашей тогдашней жизни, то, что реально нам помогало. Но возвращаясь к теме, на базе этой посылки и других имевшихся у нас книг мы создали библиотеку. К этому времени до нас дошло, что энтузиазм - это хорошо, но работа за деньги лучше. Поэтому наша библиотекарь получала зарплату и отрабатывала её – в библиотеке всё время были люди.

Из моих поездок в израильское консульство я навёз много справочной литературы, и мы открыли информационный центр. Заведовал им Роман Гуревич. Ему была поставлена задача всю литературу если не прочитать, то хотя бы просмотреть, чтобы ориентироваться, и отвечать на вопросы. С удивлением я заметил, что практически никто не спрашивал, где именно имеется работа по его специальности, чему и как учат в университетах, какова система школьного образования (а ведь ехали с детьми), но зато всех живо интересовало, какую "корзину абсорбции" они получат. Тем не менее, надеюсь, что какую-то пользу людям этот информационный центр принёс.

Двое молодых ребят, София Гринберг и Пётр Бакшт, через Ваад поехали на краткосрочный курс по истории в Израиль, после чего стали читать регулярные лекции. Нам прислали много видеокассет по

Израилю, включая сериал "Огненный столп", так что стали проводиться видеосеансы.

В клубе появился совсем молодой парень, сразу после армии, Геннадий Самойлов. Он на пару с Шимоном Мордухаевым взялся организовать молодёжную секцию, и организовал компанию подростков. Поскольку руководил ими Гена, то мы их прозвали "чебурашками". Они были очень активны, у них проходили всякие мероприятия, мы в их дела не лезли, они прекрасно управлялись самостоятельно. Через несколько лет, уже в Израиле, мы были приглашены на свадьбу парня из клуба. Там я обнаружил целый стол "чебурашек", в вязаных кипах, приехавших из разных поселений. А сам Гена, теперь Гдалья Шмуэли, живёт в Псагот.

В апреле 1990 г. мы получили разрешение на выезд, но как я писал выше, ждали, пока Вета закончит институт. В июле она получила диплом, и мы начали предотъездную подготовку. Надо было отправить багаж. К тому времени я помогал с отправкой багажа многим друзьям, так что с грузовым терминалом в Баладжарах и с самим процессом я был знаком, да и с некоторыми таможенниками. Надо сказать, что уже в Израиле я наслушался рассказов о том, как издевались над людьми таможенники в России и на Украине. В Баку ничего подобного не было, никакой злости. Таможенники просто хотели заработать, на всё были свои таксы, а они на многое закрывали глаза (за соответствующую плату). К тому же они боролись за эффективность – ведь чем быстрее работаешь, тем больше контейнеров пропустишь и лучше заработаешь. Им очень мешали в работе книги, которые евреи везли в больших количествах. Ведь всё это надо было просмотреть и убедиться, что всё законно. Поэтому ввели правило: книги в коробках нужно было везти на таможню в пассажирском порту, там таможенник просматривал, всё ли правильно, изымал неправильное, а коробки завязывались и опечатывались. В таком виде они уже без проверки грузились в контейнеры. Хотя и не всегда. Я был свидетелем (при одном из провожаний), как таможенники обратили внимание на человека, ходившего с коробкой в обнимку. Остальные коробки с книгами лежали грудой перед контейнером, а эту он всё время держал в руках. К

нему подошли и предложили вскрыть коробку. Он стал кричать, что она проверена и опечатана. Но её всё равно вскрыли. Там были альбомы с марками. Уж не знаю, какую ценность они представляли, но марки были к вывозу запрещены. Но ничего страшного не произошло. Его не расстреляли на месте и даже не арестовали. Его провели в кабинет к начальнику таможни, он там просидел некоторое время, потом вышел, и погрузка его контейнера продолжилась. Что произошло в кабинете, я не знаю, поэтому будем считать, что начальник таможни укорил отъезжающего, а тот попросил прощения за свой нехороший поступок.

Короче говоря, в некоторый день я загрузил книги в коробки и приехал в порт. Надо сказать, что на тот момент были запрещены к вывозу словари, справочники, собрания сочинений больше 6 томов, издания до какого-то года (что-то вроде 1961 или 1956). Наши коробки как минимум наполовину состояли именно из таких книг. Таможенник стал вытаскивать книги, спрашивая:

- Ты знаешь, что это нельзя? - Я отвечал, что знаю.

- И про это знаешь?

- И про это знаю.

Он замолчал, задумчиво глядя на меня. Я задал естественный вопрос:

- А сколько нужно, чтобы это стало можно?

Сошлись, насколько я помню, на странной сумме в 440 рублей. Но это включало и последующие визиты. Так что среди прочего мы повезли и коробки с книгами.

Отправка багажа проходила стандартно, без особых треволнений. До начала было положено отдать таможеннику 1000 рублей. Это ни за что, просто за хорошее отношение и мелкие нарушения правил. Но когда мы разгрузили вещи, подошёл таможенник, с которым я был знаком по предыдущим погрузкам, и, показав на мою пишущую машинку «Эрика», сказал: «Начальник просил передать, что он очень хочет такую». Ну что можно было ответить? Я сказал, что пусть это будет ему подарок от меня. Тогда это меня немного расстроило, но в итоге мы обошлись и без пишущей машинки. Погрузка

проходила легко, таможенник шутил, ни к чему не придирался. Его, правда, удивила коробка с духами Веты – их было много. Он сказал, что столько нельзя, отобрал 3 флакона и предложил остальные забирать. Потом доложил ещё флакон, добавив "Это от меня". Вета сразу же доложила ещё два, сказав: "И это тоже, без этого я ехать не могу". Он удивился, но махнул рукой. По дороге выяснилось, что в этот день у них не работал металлоискатель, и мы бы могли подкинуть кое-какие полезные вещи, но кто же мог знать.

По закрытию контейнеров их на погрузчике отвозили к огромным весам, где они и взвешивались. Вес записывался в декларацию. Весовщику было положено дать 200 рублей. Это была стандартная процедура. На этот раз я не выдержал и спросил:

- Скажи, ты же меня знаешь. Я не первый раз тут. Деньги я тебе уже дал, но объясни мне – за что? Вот за что я дал таможенникам, я понимаю. А ты же только гирьки подвигал.

Он ответил: - Видишь, твои контейнеры уже грузят в вагон. А вон – тут он показал на огромный склад – стоят контейнеры тех, кто 200 рублей не дал. Они уедут, когда в вагонах будет свободное место.

Кстати, багаж дошёл очень быстро и в идеальном состоянии, так что никаких претензий к бакинской таможне мы не имеем.

Перед отъездом я оставил должность президента Клуба "Алеф". Вместо меня был избран Давид Шляховский. Практически никого из основателей Клуба в Баку уже не оставалось. Но мне кажется, что сменившая нас команда была хорошей, Клуб "Алеф" продолжал функционировать. Провели телефон, сделали членские билеты и значки. Начали даже выпускать журнал, я точно знаю о выходе двух номеров, создали театр.

4. Группа „Зикарон" в работе. 4. The „Zicarón" group at action. 4. קבוצת „זכרון" בפעולה

Была организована группа "Зикарон", наводившая порядок на старом еврейском кладбище. Приехала из Израиля профессиональная преподавательница иврита. Что сталось с Клубом после их отъезда, и когда он прекратил своё существование, я не знаю, поскольку контактов в Баку у меня уже не осталось. А выяснять это сейчас вряд ли имеет смысл. На самом деле, всё это было хорошо и весело, но я тогда считал, что главной целью Клуба была подготовка евреев к алие в Израиль и в первую очередь курсы иврита, считаю так и сейчас. Потом я как-то подсчитал, что при мне через наш ульпан прошло около двух тысяч человек. Да, мало кто из них говорил свободно, но тем не менее, эти две тысячи человек приехали в Израиль не немыми, пусть с минимальным, но языком, будучи в состоянии прочесть вывеску или ценник. Я очень надеюсь, что это хоть немного облегчило им начальный период в стране. Я рад, что мне довелось участвовать в этом эпизоде из жизни бакинского еврейства, и что мне удалось сделать хоть что-то не только для себя, но и для других, для Израиля.

В начале сентября мы устроили прощальный банкет в Старом Интуристе. Если на первых отвальных собирались многие десятки провожающих, то у нас было человек двадцать – больше никого не осталось. Где-то в районе 7 сентября мы вылетели в Москву, где провели последние две недели перед выездом (уже не помню, зачем нам это понадобилось). Там произошёл курьёзный эпизод. Мика Членов познакомил меня с начальником транспортного отдела Сохнута, находившимся в это время в Москве. Я спросил его, готовы ли они к перевозке колоссального потока, который в ближайшее время хлынет из СССР. На что он гордо ответил, что Сохнут в состоянии перевезти 50 тысяч человек в год, а больше не понадобится никогда. На мои уверения, что будет гораздо больше, он только рассмеялся. Как известно, до конца 1990 г. в Израиль прибыло 200 тысяч человек, в 1991 г. счёт пошёл на сотни тысяч. Кстати, надо отдать должное, всех таки перевезли. Но мне кажется, что, если бы власти отдавали себе отчёт в происходящем, многое пошло бы по-другому.

23 сентября 1990 г. мы приземлились в аэропорту им. Бен Гуриона. Наш путь в Израиль закончился. Началась жизнь дома.

Независимый Азербайджан.

Без спорных утверждений о точке отсчета, с которой начался развал СССР, я позволю себе предположить, что в Азербайджане эта точка находится между декабрем 1987 г. и январем 1988 г. Развал продолжался около трех лет и в результате возродилась Азербайджанская республика, задушенная большевиками в 1920 г. Именно её преемником видит себя современный Азербайджан.

Я уже упоминал удивительное совпадение событий, схожесть с началом 20-го века. На фоне ослабления центральной российской власти и азербайджано-армянского конфликта возникла республика Азербайджан. Разумеется, есть и отличия, и мы отметим их, разумеется, применительно к еврейской общине Баку, т.к. эта монография посвящена именно ей.

С 1988 г., и в последующие 5-7 лет, еврейская община Баку и Азербайджана резко сократилась. Огромная часть ее эмигрировала в Израиль, США, Канаду и в другие страны. Основными причинами стали общая для всего бывшего СССР разруха, кризис, нестабильность, тяжелое экономическое положение. В Азербайджане все перечисленное происходило на фоне Карабахской войны. Нужно обязательно отметить очень важную деталь – при всем перечисленном, в Баку не было никаких актов антисемитизма. Тем не менее, антиармянские выступления в городе произвели на еврейскую общину (и не на нее одну) удручающее впечатление. Вид многотысячных демонстраций, полное отсутствие власти, различные, и не всегда мирные лозунги очень испугали евреев. Они опасались, что может наступить и их очередь. Это в немалой степени послужило причиной массового отъезда из Баку. Схожие настроения царили и среди русского населения Баку. Как уже было отмечено, антисемитских акций в Баку не случилось. Часть евреев осталась в Баку и проживает в городе и по сей день. Изменилась демографическая ситуация среди еврейской общины в Баку, отныне самой большой общиной стала горско-еврейская. Ашкеназы, в массе своей, покинули город и страну.

Парадоксальным образом, при всех трудностях и развале, вновь, как и в период с 1918 по 1920 гг., в жизнь еврейской общины вернулась

полная свобода. Верно, что община значительно уменьшилась, но она не исчезла, да и уменьшение происходило постепенно.

Азербайджан и Израиль установили дипломатические отношения, в Баку стали действовать еврейские школы, культурные центры, религиозные институты. Ухе к концу 1980-х, и с началом 1990-х исчезло понятие "нелегальный" или "подпольный" в еврейской жизни Азербайджана.

События в жизни еврейской общины с 1988 г.

В августе 1988 г. в Баку был создан еврейский камерный ансамбль "Матоне". Одним из участников был Александр Рехельс.

Ансамбль "Матоне". Баку 1988 г. **www.arekhels.com/index.html**

Где-то в 1991-1992 гг. было создано общество "АЗИЗ" – Азербайджан-Израиль. Общество выпускало газету в Баку.

В сентябре 1991 г. был создан ансамбль еврейской народной музыки "Яхад", что в переводе с иврита означает "Вместе". Художественным руководителем ансамбля стала заслуженная артистка Азербайджанской республики Роза Шифрина. Состав ансамбля был интернациональный. Весь сбор от премьеры, которая состоялась 1-го октября 1991 г. в д/к Моряков пошла на благотворительные цели[90].

Клуб "Алеф" продолжал свою деятельность. Руководителем клуба стал Михаил Сапожников.

в Комиссию по Еврейскому Образованию

Уважаемые господа!

Клуб Любителей Еврейской Культуры существует в Баку уже около трех лет, и создан он усилиями активистов, пришедших изучать иврит на курсы иврита в ноябре 1987 года и пожелавших после окончания курсов создать еврейский клуб. Клуб проводит культурно-просветительскую работу, ядром которой всегда было преподавание иврита, и имеет контакты с различными еврейскими организациями бывшего СССР, Израиля, США.

Нам было очень приятно расширить круг наших контактов и установить тесную связь с Вашей организацией в лице Вашего представителя - координатора программ Натана Лулова, визит которого в наш город оказался очень плодотворным.

В короткие сроки, благодаря его энергии и инициативе, был организован семинар по ивриту, еврейской традиции и истории, на котором учащиеся изучали иврит в начальной и продолженной группах, в программе семинара были занятия с педагогами иврита, лекции по еврейской традиции и истории.

По отзывам участников семинар был очень полезным и интересным. Мы очень благодарны педагогам А.Членовой, Е.Гвоздаревой и особенно г-ну Н.Лулову за проделанную работу. Мне видится, что продолжение контактов с Вашей организацией имеет четкую перспективу в нашем регионе и, в частности в г. Баку.

Председатель правления
клуба "Алеф" Сапожников М.Е.

[90] Газета "Молодежь Азербайджана" 24 сент. 1991 г. стр. 1.

Заключение.

Я полагаю, что можно поставить точку в этой работе. Естественно, не осталось без внимания то, что совсем уже новейшему времени (с рождения современной Азербайджанской республики) уделено мало внимания. Этому есть своя причина. Мы живем в эпоху, когда существует море источников информации, интернет ресурсы. И сегодняшняя жизнь еврейской общины Баку как на ладони, она доступна всем желающим, достаточно лишь потратить несколько минут в поисковиках интернета.

Еще раз хочу попросить прощения у тех, чье имя или деятельность не нашли отражения на страницах этой монографии. Это произошло лишь по отсутствию информации. То же самое я могу сказать и тем, чья деятельность не была развернута максимально подробно и детально.

С уважением к читателям

Моше Зильберштейн.

Источники:

- Эфраим Холмянский. "Звучание тишины". Иерусалим: При поддержке КЕРООР. 2007 ,ק"ק מוסקבה.
- Газета "Молодежь Азербайджана" 24 сент. 1991 г.
- Свидетельства Фукса Арье, Вайнера Шимона, Дворкина Моше, Сухолуцкого Меира.
- Сайт: sun-sentinel.com/news/fl-xpm-2010-10-19-fl-jjps-jews-1020-20101019-story.html#
- Сайт: berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer2/MGinzburg1.php
- Сайт: kosharovsky.com
- Сайт: digital.library.yu.edu/object/digital3920
- Сайт: search.cjh.org